

ТАТЬЯНА СЕРГАНОВА

Настоящие, или
Лжестрасти
на поводу

Строптивные невесты

Татьяна Серганова

**Настоящие, или У
страсти на поводу**

«Автор»

2023

Серганова Т.

Настоящие, или У страсти на поводу / Т. Серганова — «Автор»,
2023 — (Строптивые невесты)

За глаза его зовут Змей — хладнокровный, невозмутимый и педантичный. Он знает, чего хочет и из всего всегда получает выгоду. Она всего лишь северянка и лучшая подруга его сестры. Девушка, которую и замечать не стоило. Одна пощечина изменила всё. И вот Леонард Торнтон вышел на охоту, мечтая заполучить ту, которая должна совсем скоро стать женой другого.

Содержание

Глава первая. Встреча	5
Глава вторая. Лучшая подруга	16
Глава третья. Возлюбленный	25
Глава четвёртая. Скандал	35
Глава пятая. Сомнения	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Серганова

Настоящие, или У страсти на поводу

Глава первая. Встреча

– Ты не спешил ко мне, Змей, – произнесла эффектная блондинка, прижимая шелковую простыню винного цвета к пышной груди.

За окном был ранний вечер. Жаркое июньское солнце сжалилось над жителями столицы и перестало палить, уступив место долгожданной прохладе. В небольшом саду пели птицы и удушающе пахло розами. И не только в саду. Весь дом словно пропах этими цветами.

Маркиза Армель Констанци обожала розы, и её поклонники, надеясь получить благосклонность фаворитки правящего герцога Марлоу, заваливали её особняк на Доусон-роу огромными букетами. Все, кроме одного.

– Я же просил меня так не называть, – сухо ответил мужчина, продолжая застёгивать крохотные пуговицы на белоснежной рубашке.

Этот мужчина никогда ничего ей не дарил, не посвящал стихи, не говорил комплименты. Он просто приходил и брал. И это равнодушие сводило Армель с ума.

Молодая женщина была красива, некоторые даже называли совершенной. Невысокого роста, но с потрясающей фигурой: тонкая талия, округлые бёдра и пышная, притягивающая взгляды грудь. А ещё женщина была умна и весьма проницательна. Её внимания добивались, её уважали и даже боялись. Будучи, ко всему прочему, ещё очень злопамятной, леди Констанци могла запросто известить соперницу, на корню уничтожив репутацию несчастной.

– Как будто не знаешь, что именно так тебя все называют за глаза, – совершенно не смущаясь, продолжила молодая женщина, с довольным видом оглядывая его высокую поджарую фигуру. В глубине светло-карих глаз сияла тоска, которую она старательно прятала за яркой улыбкой. – Мужчины – за хладнокровие и решительность, женщины – за гипнотический взгляд, – её голос упал до шёпота. Маркиза в совершенстве владела своим голосом, и сейчас он звучал томно и многообещающе. – Тебе отлично известно, как влияешь на нас, граф Элкиз.

Леонард Торнтон бросил на любовницу равнодушный взгляд сквозь чёлку и легким движением убрал волосы назад. После чего спокойно продолжил одеваться.

– Ты же отлично знаешь, что мне плевать на чужое мнение.

Это тоже притягивало. Никто из её знакомых никогда не был так равнодушен к своей репутации. Её берегли, холили и лелеяли.

Они были любовниками уже несколько месяцев. Встречались каждый раз, когда мужчина приезжал в Сангориа по делам, и всегда только по её инициативе.

С самого начала Элкиз дал понять, если Армель хочет его, она должна сама сделать шаг. Для молодой женщины это был шок. Это ведь её всегда добивались, начиная с маркиза Констанци, женой которого она стала в шестнадцать лет, овдовев в двадцать, и заканчивая правителем Сангориа. Это её умоляли о встрече, всячески соблазняли и дарили драгоценности, а тут...

Попытки поставить Элкиза на место не увенчались успехом. Играть с Леонардом по своим правилам не получалось. А ведь маркиза Констанци старалась.

Она знала, что Элкиз прибыл в Сангориа, и ждала. Стиснув зубы, считала дни до его прихода.

Так прошла неделя. Женщина через знакомых выяснила, на каких приёмах будет присутствовать граф, и сама появлялась там. Мелькала, стараясь попасться на глаза под руку с очередным поклонником.

«Смотри же... смотри. Меня хотят, меня любят... Ревнуй, добивайся...»

И что получила взамен?

Кивок и равнодушное, даже насмешливое приветствие – «Мне всё равно».

Ни записки, ни намёка, ни вспышки желания или ревности.

А молодая женщина скучала, ждала, сходила с ума от тоски и желания. С ним не получалось, как с остальными. Им не получалось руководить.

У Армель было много любовников. Она никогда не считала их, но знала, что было много. Покойный супруг был слишком стар, чтобы удовлетворить аппетиты женщины, он и умер у неё в постели. Сердце не выдержало. И пусть родственники маркиза пытались доказать, что его отравили, у них ничего не вышло. Сам Марлоу запретил вести расследование и подозревать несчастную вдову в столь тяжком грехе.

В любом случае ни один из них не знал её тело так хорошо, как ванагорийский граф. Он был как музыкант, который играл на её душе, доводя женщину до неземных высот наслаждения.

За холодной внешностью и расчётливым взглядом скрывался страстный любовник, неутомимый и греховный.

Армель не выдержала пытку первой.

«Я жду тебя. Приезжай».

Леди Констанци даже не стала подписывать короткую записку. Лишь побрызгала розовой водой, чтобы яркий аромат напомнил графу об их полных страсти ночах.

Ответная записка прибыла только вчера вечером. Когда от тревоги и ожидания маркиза металась по спальне, будто тигрица.

«Завтра утром».

Утром.

Великие, какая пошлость – принимать любовника рано утром. В то время, когда его мог видеть кто угодно. Когда даже шторы не могли спрятать её от нескромного взгляда светло-голубых глаз.

Возмутительно и возбуждающе.

Армель готовилась к его приходу. Проснулась на рассвете, приняла ароматную ванну, сделала кучу освежающих масок, надела свою самую лучшую сорочку из фреольского шёлка с полупрозрачным лифом из тончайшего кружева, сквозь который были отчётливо видны коралловые вершинки груди.

Маркиза хотела, чтобы он увидел её и сошел с ума от страсти. Понял, как был неправ, что игнорировал любовницу целую неделю. Чтобы ползал на коленях, вымаливая разрешение прикоснуться к её роскошному телу.

Как же она была глупа.

Леонард спокойно вошёл в спальню после полудня, замирая в дверях и впиваясь внимательным взглядом в её роскошное тело.

Беззвучно закрылась дверь за его спиной.

Маркиза постаралась создать нужную атмосферу: приказала слугам плотно задёрнуть шторы, зажгла ароматические свечи, приготовила игристое вино из погребов Марлоу (старый развратник подарил ей два ящика из своих запасов).

И вместо того, чтобы броситься к ней, мужчина легко сдёрнул с шеи платок и сел в кресло, вытягивая вперёд ноги и положив неизменную трость сверху.

– Я вижу, ты скучала без меня, Армель.

Сколько колких слов вертелось на языке, как хотелось ответить Торнтону что-нибудь злое. Но это означало потерять его сейчас. О, этот мужчина был способен уйти, оставив её неудовлетворённой и несчастной. А она просто сойдёт с ума от желания.

– Ты долго шел, Элкиз, – хрипло ответила она, сжимая шелковые простыни.

Мужчина в ответ лишь неопределённо пожал плечами. Спокойный, равнодушный, невозмутимый.

– Так иди ко мне и докажи, насколько сильно скучала.

Доказала и получила сполна.

А сейчас он уходил.

Получил, что хотел, и уходил, даже не назначив дату следующего свидания.

– Знаю, – еще шире улыбнулась она, пытаясь скрыть за фальшивой улыбкой досаду и раздражение. – Так почему же ты бежишь от меня? Обычно мы больше проводим времени вместе. Я соскучилась.

Она поменяла положение, отчего простынь медленно сползла, обнажая длинную стройную ножку и бедро. Леди Констанци была красива и знала об этом. Трудно быть скромницей с таким количеством любовников.

– У меня дела, Армель.

Леонард даже не взглянул на неё, надевая жилетку, а следом и пиджак.

– Дела? Неужели есть что-то важнее меня, Змей? – Женщина обиженно надула пухлые губки, до боли впиваясь ногтями в кожу и оставляя красные полумесяцы на ладонях.

– Я обещал сестре кое-что сделать.

Леонард подошёл к огромному зеркалу и внимательно осмотрел себя.

«Как всегда, холоден, безупречен и совершенен», – неожиданно с тоской подумала женщина. Даже в этой постели, в её умелых руках и губах, в самом пике наслаждения, он всегда был слишком далеко.

– Бегаешь на побегушках у герцогини Архольд?

Она не должна была этого говорить. Не должна была срываться. Но задетое самолюбие требовало выхода.

Элкиз медленно подошёл к кровати, собственнически хватая за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

– Я бегаю на побегушках у герцогини, ты у меня, Марлоу у тебя. Круговорот зависимости в природе.

– Неправда. Ты лжёшь! – зло выдавила в ответ, отшатываясь назад и с ненавистью смотря на любовника. – Я никогда ни перед кем не унижалась.

– Как скажешь, Армель.

А улыбка такая, что хочется выть и кричать.

– Убирайся!

– Ты знаешь, где меня найти, – спокойно ответил тот, направляясь к двери.

Трость звонко стучала по полу.

– Убирайся.

– ... когда соскучишься, – закончил Элкиз фразу и, не оборачиваясь, вышел.

Женщину трясло.

Обнажённая, сломленная и раздавленная, она ринулась к комоду, вслушиваясь в звук его уходящих прочь шагов. Дрожащими руками достала курительные смеси, присланные ей контрабандой из далёких Эмират Барху, зажгла самокрутку и едва не задохнулась от сладкого дыма.

Всего чуть-чуть. Всего одна сигарета. Ей надо успокоиться и прийти в себя. Это не зависимость. Она сильная.

А через два часа, когда от курительной смеси уже кружилась голова, женщина сидела за столом и писала новую записку.

«Прости. Я буду ждать тебя. В любое время. Всегда. Только приходи, приходи...»

– Хороша же у тебя подруга, ничего не скажешь. Не могла выслать за нами экипаж? – язвительно заметила кузина, когда карету подбросило на очередной кочке. – Удобный, герцогский, а не это убожество.

– Элодия, прекрати, герцогиня не обязана посылать за нами транспорт. Для нас и так большая честь – гостить в её замке этот месяц, – попыталась утихомирить дочь тётушка Полин и бросила на меня виноватый взгляд.

Я ободряюще улыбнулась ей и снова взглянула в окно. Замечания двоюродной сестры уже давно перестали меня волновать.

Селина предлагала экипаж и даже настаивала, но я отказалась. Наверное, это глупо, но я не смогла. Подруга и так слишком много для меня делала: согласилась принять в замке не только меня, но и тётю с кузинами, решила помочь в проведении свадьбы. А тут еще и экипаж.

Проснувшись пресловутая гордость Белфоров. Пусть мы были побочной и самой дальней ветвью великого рода Северного княжества Изгар. Пусть у нас не было титула, земель и сотни прислуг, но гордость оставалась.

– Может, Айола нам просто врала, и не такие они задушевные подруги, – не отставала Элодия.

– Дура, – припечатала старшую сестру семнадцатилетняя Делайн. – Думай, что говоришь.

– Сама дура, – вспыхнула девушка. – Мы тут просто умрём, а вам всё равно!

– Мы не умрём, – спокойно ответила ей, убирая со лба влажный локон.

Жара в карете стояла жуткая, и даже открытые окна не помогали, наоборот, было еще хуже. После последней стоянки прошло не больше часа, а я уже мечтала вновь выбраться наружу. Встать под тень дерева и вдохнуть чистый воздух.

– Мне нечем дышать, – Элодия картинно схватилась за горло и закатила серые глазки.

Громко охнув, тётушка принялась обмахивать чадом веером, а я с трудом сдержалась, чтобы не выругаться.

Вот же пигалица.

– Выброшу из кареты, – мрачно пообещала кузине.

– Мама!

Розовые губы задрожали, слёзки навернулись на глаза, а само лицо скуксилось, умудряясь при этом оставаться до неприличия хорошеньким. Это надо же так уметь, даже рыдает красиво. Когда я плакала – а случалось это, слава Великим, нечасто, – то была похожа на оживший труп: бледная, с красными глазами, огромным носом, который увеличивался раза в два, и слезами, которые весьма неромантически текли не только из глаз, но и из носа.

– Девочки, успокойтесь. – Тётя расстроено покачала головой. – Не надо ссориться.

– Она мне угрожает.

Искра вспыхнула в груди, вызывая в голове соблазнительные картинки мести. Одной лягушки было бы достаточно, чтобы кокетка Элодия завизжала и рухнула в обморок. Самый настоящий, а не наигранный.

Интересно, но жаль свои уши. Прежде чем потерять сознание, она будет орать. Громко.

Последние часы нашего пятидневного путешествия были невыносимы. И самое противное было в том, что я ничего не могла сделать. Мне жизненно необходимо было присутствие тёти Полин, а значит, приходилось мириться с её детками.

«Ох, Ивар, я так соскучилась».

Мы не виделись больше года. С того самого вечера в тени раскидистого дуба у обрыва. Короткие немногочисленные записки лишь теребили душу, вызывая в сердце глухую тоску и безнадёжность. Мне казалось, что выдержать разлуку уже невозможно, но день сменялся днём, а я всё ждала своего любимого.

«Скоро, очень скоро...»

– Я требую извинений! – крик кузины заставил меня дёрнуться и сморщиться от нового приступа головной боли.

На воздух захотелось еще больше.

– Элодия, сбавь тон.

– Да кто ты такая? Как ты смеешь?

Вот что положение делает. Родилась в семье барона, за которого сестре отца посчастливилось выйти замуж, и нос кверху задирает. А то, что у барона, кроме титула, денег почти нет, её не касается. Элодия с рождения привыкла к самому лучшему: ткани, ленты, рюши и даже фреольское кружево, которое в Изгаре стоило раз в десять дороже, чем в других местах. Даже сейчас вырядилась, надела любимое платье из тонкого батиста светло-желтого цвета с рукавами-фонариками и вышитыми по подолу белоснежными розами. Интересно, она когда-нибудь задумывалась о том, что своими запросами довела отца до банкротства?

Когда неделю назад тетушка, краснея и сбиваясь, просила у меня деньги в долг, я знала, на что она просит. Знала, но дала. Я не могла ей отказать. А деньги... Деньги ничто по сравнению с той благодарностью, которую я испытывала к сестре отца. Ведь это именно она меня вырастила после смерти матери. В конце концов, я больше двадцати лет прожила в бедности, могу и перетерпеть.

– Использую искру и узнаешь, – тихо, но весьма зловеще ответила ей.

Светлое личико с безупречной молочной кожей стало еще бледней, в серых глазах промелькнул страх.

– Ты не посмеешь. Я всё расскажу.

– Рассказывай. Зато я проведу последние часы пути в тишине и спокойствии.

– А я скажу, что ты всё врешь, – поддержала меня Делайн.

– Вот видишь? – кузина вновь повернулась к матери. Огромная слезинка медленно скатилась по щеке. – Видишь, как они. Ведь я же пошла навстречу, хотела мира, а они...

Девушка аккуратно приложила кружевной платочек к глазу и тихо всхлипнула.

Я свои вечно теряла и давно уже разучилась ими пользоваться. Какая разница, истинной леди мне не быть, а там, в горах, кишачих злобными гуи, умение пользоваться платочками мне точно не пригодится.

– Тётя, – многозначительно протянула я, напоминая, что моё терпение не безгранично, и как бы сильно я её ни любила, всему есть предел.

– Девочки, мои дорогие, я вас очень прошу, не надо ссориться. Мы же почти приехали, – в отчаянии произнесла тетушка, а посмотрела на меня. – Элодия. Айола.

Я же самая старшая и умная – значит, должна отступить.

– Предлагаю подуться каждый в своём углу. Разрешаю мысленно посылать в мою сторону проклятья.

«Всё равно силы не имеют. В отличие от моих».

К концу пути тишина в карете достигла своего пика.

– Приехали, госпожи, – заявил кучер, тощий небритый мужичок с засаленными волосами, открывая перед нами дверь.

Пахло от него тоже не очень приятно – луком и рыбой, а взгляд мутных карих глаз настаивал. Похоже, всё время пути наш извозчик прикладывался к бутылке. И как карету не завалило?

– Благодарю, – быстро спускаясь, произнесла я и огляделась.

Никогда не была в Сангориа. Но, благодаря тому, что почтовые дилижансы останавливались на окраине Илгара, я могла оценить всю красоту столицы с яркими желтыми крышами, невысокими домами из красного кирпича, глина для которого добывалась только в Сангориа, и огромным количеством зелени.

Наши сундуки горкой сложили на пыльной земле, и мы кучкой столпясь рядом.

– Ну и где? – не выдержала Элодия. – Где наш встречающий?

– Сейчас, – ответила ей и быстро огляделась.

Селины или её супруга не наблюдалось. Слуг в сине-золотой ливрее Архольдов тоже. Не могла подруга забыть о моём приезде. Никак не могла.

– И что делать? – капризно заныла кухня и даже притопнула ногой, вызывая новое облачко пыли. – Ты же сказала...

– Я помню, что сказала.

– Госпожа Айола Белфор? – негромко поинтересовался кто-то за моей спиной.

Одновременно с этим Элодия охнула и принялась интенсивно обмахиваться веером, а тётушка испуганно затряслась. Даже обычно невозмутимая Делайн впечатлилась, застыв с приоткрытым ртом.

Я сразу поняла, кто за нами явился, стоило только услышать этот холодный, высокомерный тон, и, сжав кулаки, медленно повернулась.

– Лорд Леонард Торнтон.

Я познакомилась с ним пять лет назад, когда в первый и последний раз приехала в гости в родовое имение своей лучшей подруги Селины Торнтон. Дело было в декабре, сразу после праздника зимнего солнцестояния. Каникулы длились целых две недели, и студенты могли навестить своих родных. Если это, конечно, было возможно.

Мы, жители Северного княжества Изгар, расположенного на самом краю материка в окружении неприступных гор, этого сделать не могли. В Изгар можно было попасть лишь по длинному извилистому перевалу, который всю зиму был закрыт для путников из-за опасности схода лавин. Только отчаянные смельчаки решались на такое безумие. Портала из Академии не было, хотя маги обещали в ближайшие десять лет настроить и открыть путь. Поэтому мне предстояло провести все каникулы в общежитии совершенно одной.

Но в тот год Селина меня всё-таки уговорила. В первый и последний раз.

Я, конечно, очень любила подругу и ради неё готова была на многое, но терпеть такое отношение просто невыносимо.

Как девушка из древнего рода Белфор, я с рождения обучалась правилам придворного этикета, умела красиво приседать в реверансе, жеманно улыбаться, в совершенстве знала игру веера, отлично танцевала, играла на трёх инструментах, вышивала гладью и ткала гобелены на специальных станках. Денег у нас было мало, поэтому моим воспитанием занималась мама. А когда её не стало, то эта обязанность легла на плечи тёти Полин.

Но разве это волновало высокородное ванагорийское семейство? Лорда Честея Торнтон, того самого заносчивого лорда, из-за которого тридцать лет назад чуть не случилась война между Сангория и Ванагорией, я практически не видела. Глава семьи всё время проводил в кабинете и почти оттуда не выходил. Если честно, то производил он гнетущее впечатление.

Леди Бригитта Торнтон, достопочтимая матушка подруги, при моём появлении морщилась, прижимала кружевной платок к лицу. Так, словно от меня дурно пахло. И они после этого считали себя знатоками норм, правил и этикета?

Да, моя семья была небогата, любимое серо-зелёное платье уже столько раз подшивалось, перешивалось и латалось, что я со счёта сбилась, но разве это причина для того, чтобы так высокомерно себя вести?

Еще был старший брат Селины. Леонард Торнтон. Молодой мужчина двадцати трёх лет отроду. Надо признаться, что он был красив. Высокий, гораздо выше Ивара. Худошавый, но в то же время жилистый и крепкий. Светловолосый, с правильными, но не смазливими чертами лица, неожиданно чувственными губами и прямым носом. Но всё перечёркивали холодные светло-голубые глаза и высокомерный взгляд, которым он одаривал каждого.

К счастью, мы виделись не так часто. Но каждая такая встреча была целым событием, которое хотелось забыть и никогда не вспоминать.

В день нашего знакомства я свалила на него рыцаря. Случайно. Металлические доспехи, стоявшие в холле у лестницы, просто не могли не привлечь моего внимания. Начищенные до блеска так, что я могла рассмотреть в них своё отражение. В полной боевой готовности. Шлем с огромным решетчатым забралом, звенящая кольчуга, тяжелый щит с выбитым на нём гербом, острый меч, который до сих пор мог перерезать пёрышко на лету. Я такие только на картинках видела.

Выбрав время, прошмыгнула в холл, касаясь подушечками пальцев прохладной поверхности. И всё было нормально – до того момента, пока мне не пришла в голову мысль по нему постучать. Глухой звук, легкая вибрация. Конструкция задрожала, накренилась и начала медленно заваливаться набок. От неожиданности я даже не сразу поняла, что надо отбежать в сторону.

От синяков, переломов и ушибов меня спас брат Селины. Дёрнул за руку, отпихивая в сторону, и принял удар на себя.

Я очнулась двумя секундами позже, сидя на мраморном полу, огромными от ужаса глазами смотря на разбросанные доспехи и молодого лорда, который стоял на коленях чуть поодаль, прижимая руку к лицу.

– Что здесь случилось? – в холл величественно выплыла леди Торнтон и застыла, хватаясь за сердце. – Великие! Леонард, что с тобой произошло?

– Айола? – ко мне подбежала Селина и помогла встать. – Ты ушиблась, упала? Где болит?

– Крепление не выдержало, – поднимаясь, сухо произнёс молодой мужчина, и я с ужасом рассмотрела огромный кровоподтёк на его скуле и тоненькую струйку крови, текущую из носа. – Давно надо было убрать этот хлам отсюда.

– Это не хлам, – неожиданно заявила я, стряхивая с платья пылинки. – Это десятый век. Историческая ценность.

– Отлично, – съязвил он. – В следующий раз я позволю этой ценности придавить вас. Всего доброго, госпожа Белфор.

– Дорогой! Надо вызвать лекаря, обработать рану, – поспешила за ним леди Торнтон.

– Твоя работа? – тихо спросила подруга, как только затих звук их шагов.

– Я случайно. Прости.

А Селина расхохоталась.

– Ох, Айола, ты неподражаема.

Следующие три дня я очень старалась быть примерной леди, но надолго меня не хватило. Как же здесь было скучно. Чаепития с подругами Селины, приехавшими, чтобы узнать об Академии, и открыто хихикающими над моим простеньким серо-бежевым платьем из тонкой шерсти с глухим кружевным воротничком под горло и длинными рукавами. Скучные музыкальные вечера в попытках не уснуть под кошмарное исполнение великих произведений. О, Великие, как мне хотелось встать, стащить эту девицу со стула и показать, как надо правильно играть. Это же пытка для ушей. Не знаю, как подруга такое терпела столько лет подряд и смогла остаться такой искренней и настоящей.

– Селина, давай выйдем на улицу, – взмолилась я на четвёртый день.

Снегопад закончился, и всё вокруг было укрыто пушистым белым облаком: деревья, кусты, крыши особняка, узкие дорожки, которые старательно подметали слуги.

– Ты знаешь, отличная идея. Нам не мешало бы прогуляться.

В течение следующих тридцати минут мы степенно прогуливались по извилистым аллеям, любуясь красотами заснеженного парка и почти не разговаривая.

– Тебе здесь скучно? – спросила Селина. – Прости, я не думала, что так олучится.

– Я просто не привыкла к этому. Меня учили так жить. Но если честно, то мне по нраву больше свобода. Я скучаю по Академии, по занятиям, практике, открытиям и развитию искры.

Подругу передёрнуло.

– А я вот не горю желанием туда возвращаться, – тихо призналась она. – Пусть здесь всё строже и много правил. Зато нет...

– Корвила, – понимающе закончила я за неё. – Уверена, после каникул всё поменяется, и вражда сойдет на нет. Он старшекурсник и найдёт себе новую жертву.

– С трудом верится. Ужасный тип, просто кошмарный. Грубый, невыносимый и жестокий.

Бледные щеки Селины вспыхнули от румянца, и это точно было не из-за мороза. Надо было срочно сменить тему разговора на более приятную.

– За эти дни твоя матушка раз десять вспоминала некоего виконта Санроу, – многозначительно протянула я и слегка толкнула подругу в бок. – Признавайся, это ведь не просто так. А ты мне про него не рассказывала.

– Эйдан, – улыбнулась Селина. – Мы познакомились за неделю до того, как проявилась искра. Симпатичный молодой человек, служил несколько лет в посольстве во Фрее. Он удивительный. Совсем не похожий на аристократов. Добрый, улыбается часто и такой искренний.

– Вот и хорошо, что не похож. Извини, но твой брат тот еще ледышка, – собирая в ладошку снег с ближайшей статуи, заметила я и принялась лепить снаряд.

– Какой есть.

– А виконт тебе нравится?

– Немного.

– Влюбилась? – еще шире улыбнулась я.

– Айола, прекрати.

Девушка старалась выглядеть строгой, но улыбка всё равно не сходила с лица.

– Устроим снежный бой? – перебрасывая снежок из одной руки в другую, предложила я.

– Айола, не смей.

– Никто не увидит.

– Прекрати, это неприлично!

– Зато весело, – отмахнулась я, прицелилась и попала подруге в плечо.

– Ты в меня кинула?

– Да, – отступая, рассмеялась я.

– Ты! Ну, держись, подруга.

И минут десять выпали из жизни. Мы бегали, валялись в снегу, кидались снежками, громко смеялись и совершенно забыли о правилах и о том, где сейчас находимся.

Развернувшись и падая в сугроб, я не глядя бросила очередной снаряд. И не сразу поняла, почему стало тихо. Смех подруги как-то быстро оборвался.

– Селина, что? – отряхиваясь, произнесла я и тоже замерла.

Снежок попал в цель. Точно в то самое место, куда угодил рыцарский доспех. На скуле лорда Торнтон под слоем тающего снега алел круглый отпечаток.

– Ой!

Зато кое-чего мне добиться удалось.

Во взгляде мужчины не было ни капли раздражающего спокойствия. Мне кажется, ему в тот момент очень сильно хотелось меня стукнуть, и сдерживался он с трудом.

– Прошу прощения, милорд, – пробормотала я и зачем-то решила сделать реверанс. Со страху, наверное. Ноги заскользили, и я совершенно неграциозно села в сугроб. – Ой.

Селина рядом фыркнула, пытаясь сдержать смех, а Торнтон сверкнул взглядом и ушёл, так ничего мне не сказав.

И вроде можно было выдохнуть спокойно. До отъезда на учебу оставалась всего пара дней, и ничего не предвещало неприятностей.

Помня, что ненаглядное чадо вновь уедет в ненавистную Академию, леди Торнтон торопилась как можно чаще выводить дочь в свет, особенно если там обещал присутствовать некий виконт.

Тем же днем они собирались на музыкальный вечер у мадам Хелст. Меня приглашали, но от одной только мысли, что придётся слушать, как коверкают музыкальные произведения, громко аплодировать, расточать фальшивые улыбки и старательно не замечать шепотки за своей спиной, у меня разболелась голова. Сильно.

– Мигрень – это очень серьёзно, – кивнула женщина с самым серьёзным видом. Видимо, ей не очень хотелось брать меня с собой, и она была рада избавиться от такого груза.

– У меня тоже болит, – попыталась сорваться с крючка Селина.

– Не ври мне. Цвет лица нормальный. Потерпишь.

Подруга показала мне кулак за спиной матери, а я лишь фыркнула, довольно сверкнув глазами.

Её ждала заунывная музыка, крохотные тарталетки и ворох сплетен. А меня – вкусные фруктовые пирожные с шоколадной стружкой и сливочным кремом. За эти дни я хорошо подружилась с поваром Торнтонов – сангорианцем Франком, – и он обещал накормить меня сладостями на дорожку.

– Я буду скучать, – пообещала я, провожая Селину до дверей, даже ручкой помахала, едва не подпрыгивая от нетерпения.

После чего, громко взвизгнув, закружилась по огромному холлу, обнимая вымышленного партнёра.

– Пам-пам-пам-пара-рам. Пам-пам-пам-пам-пам. Тара-рам!

Замерла прямо посередине, разведя руки в стороны и закинув голову вверх. И закружилась на месте. Какое счастье! Можно быть собой, не бояться, не играть роль леди. Чета Торнтонов с дочерью уехали, их сын где-то опять пропал.

Как же хорошо.

Замерла на месте, всё так же раскинув руки и слушая только звук своего сердца.

Как мне этого не хватало.

Глубокий вдох, и я поспешила на кухню.

Дойти не успела, мне навстречу уже шёл могучий повар, держа перед собой поднос с двумя десятками пирожных.

– Это мне? – ахнула я, прижав руки к груди и улыбаясь во все тридцать два зуба.

– Вам. Кушайте, госпожа Айола. А то такая худенькая, маленькая, как тростиночка. Того и гляди переломитесь.

И ведь не объяснишь мужчине, что мы, коренные северянки, все такие – светлокожие, светловолосые, тоненькие, светлоглазые.

– Спасибо. Ох, Франк, вы меня балуете.

– А кого еще баловать. Лорд Леонард сладкое не ест, леди Бригитта следит за фигурой. Только вы с леди Селиной и остаетесь. Да вот Академия у вас.

– Франк, это преступление. Вы должны готовить это великолепие не менее двух раз в неделю.

– Я рад, что вам понравилось. Сейчас скажу Конни, чтобы она принесла вам графин с ягодным морсом.

– Буду благодарна, – еще шире улыбнулась я.

Но отведать это чудо не получилось. Не пройдя и десять шагов, слишком занятая своими мыслями, я повернула в холл и на кого-то налетела. Поднос выскользнул из рук, и всё кремовое великолепие с шоколадной крошкой и съедобными розочками расплзлось по очень дорогому костюму.

– Ой, – прошептала я, вздрагивая от оглушительного звона, с которым поднос упал на пол.

А сама не могла отвести взгляд от засахаренной розочки, которая очень символически прицепилась к лацкану тёмно-серого камзола.

– Леди Белфор, – прошипел Леонард Торнтон.

– Я постираю, выглажу и приведу в порядок, – сообщила ему, не решаясь посмотреть в глаза, уж очень впечатляюще билась жилка на шее.

Постирать-то постираю, но у Франка продукты качественные, дорогие, и эти вкусные жирные сливки смыть с дорогой ткани будет практически невозможно. А для того, чтобы оплатить стоимость костюма... Боги, у меня нет таких денег.

– Леди Белфор.

– Это моя вина. Но вы тоже должны были видеть, куда идёте!

Розочка всё-таки сползла вниз и присоединилась к другим на полу.

– Кричать будете? – осторожно спросила у него, и плечи поникли.

– Идите.

– Куда? – еще более несчастным голосом спросила я.

– На... кухню.

– Зачем?

– Прикажете слугам убрать здесь. – После чего развернулся и ушёл.

Вечером я рассказала подруге о произошедшем, она долго хохотала, утирая слёзы, льющиеся из глаз.

– Айола, ты просто ходячая катастрофа.

– Неправда. Со мной такого никогда не происходило. Ты же знаешь.

– Значит, повезло только Лео.

Но самый большой шок ждал меня перед отъездом.

– Это вам, леди Белфор, – протягивая мне тяжелую коробку, сообщил молодой лорд Торнтон, провожая нас до портала.

– Мне?

– Вам. Надеюсь как можно дольше вас не видеть.

– Э-э-э-э, спасибо.

– Ого, – округлила глаза Селина. – Я чего-то не знаю?

– Не болтай глупости.

Коробку мы открыли только вечером, прибыв в нашу комнату в общежитии.

– Это что? – с ужасом спросила я, доставая увесистый том в кожаном переплёте.

Селина уже смеялась, пряча лицо за подушкой, которую прижимала к груди.

– Это пособие леди Тунс «Основные правила воспитания леди», – задыхаясь от смеха, сообщила она, тихо всхлипнула и добавила: – Переработанная версия для особо тяжелых случаев.

– Что? Да как он посмел?!

– Ой, не могу. Он всё-таки тебя сделал, Айола. А-ха-ха-ха. Ну, братец.

Первое желание – сжечь книгу дотла. Вырывать с наслаждением каждый листочек, комкать и бросать в камин. Но потом стало жалко, и я начала использовать её по другому назначению – томик отлично подпирает дверь.

Следующая наша встреча состоялась в начале второго курса, после летних каникул. Я вернулась в общежитие, где застала угасшую и будто чужую Селину, которая так отличалась от той, что я привыкла видеть, и её уставшего брата. Без прежнего гонора и высокомерия, с темными кругами под глазами.

– Позаботьтесь о ней, – попросил он меня перед уходом. – Ей сейчас тяжело.

И вот мы снова встретились.

– Лорд Леонард Торнтон.

Всё так же непозволительно хорош собой, разве что черты лица стали еще более жёсткими, появились складки у губ.

И трость в руках. Зачем ему трость? Еще молодой совсем, тридцати нет.

– Граф Элкиз, – поправил он меня.

О, я знала об этом изменении. Селина мне всё рассказала и сообщила, каким именно образом ему удалось вернуть утерянный отцом титул. Мужчина просто продал свою сестру двум правителям для «лучшего налаживания межгосударственных отношений и подписания мирного договора». И пусть всё обошлось, подруга была замужем и безумно счастлива, простить его я не могла.

– Граф Элкиз, – повторила я, еще сильнее выпрямляясь и гордо вскидывая подбородок.

Прошли те времена, когда он мог меня смутить, испугать и заставить почувствовать жалкой замухрышкой. За эти пять лет многое изменилось, я выросла и начала сама зарабатывать деньги. Сильный дар искрящей и усиленная работа по развитию таланта помогли многого добиться в жизни, стать намного увереннее.

– Не ожидала вас здесь увидеть. А где Селина?

– Герцогиня Архольд неважно себя чувствует и попросила меня вас встретить.

– Спасибо, но вы зря себя утруждали. Можно было прислать слугу.

– Я был по делам в столице, так что вы ничем мне не обязаны, госпожа Белфор, – спокойно отозвался он и перевёл взгляд на застывших за моей спиной родственников. – Не представите меня?

– Конечно, – я повернулась. – Моя тётя, баронесса Полин Ортек, её дочери, Элодия и Делайн. Это Леонард Торнтон, граф Элкиз.

– Граф, – мелодично произнесла Элодия, приседая перед мужчиной в реверансе.

Мне не надо было смотреть, чтобы понять, что кузина, наконец, нашла предмет обожания и наверняка мысленно уже примеряла на себя его титул. Что ж, они друг друга стоят.

– Прошу за мной. Слуги, – он кивнул двум мужчинам, которые стояли чуть в стороне, – погрузят ваши вещи.

– Мы вам так благодарны, граф, – зашебетала Элодия, протискиваясь мимо меня. Девушка достала веер и принялась им обмахиваться. – Это так благородно, вы не оставили нас в беде, лично встретили. Поступок истинного мужчины.

Я шла чуть позади них, неотрывно смотря на прямую спину лорда.

«Что же ему нужно? Леонард Торнтон всегда из всего получал выгоду. А в чем причина тут? Что ему нужно сейчас?»

Глава вторая. Лучшая подруга

Родовой замок Архольдов производил колоссальное впечатление. Монументальное сооружение было выложено из серого камня, с толстыми стенами, узкими окошками и настоящими башенками с острыми шпильями, оно возвышалось над долиной, утопая в сочной зелени листвы, которая, несмотря на жару, еще сохранила яркость.

– Ох, Великая Мать, – потрясённо выдохнула тётя, не в силах отвести взгляд от здания.

Три часа пути от столицы до замка подходили к концу, и экипаж приближался к конечному пункту нашего путешествия.

– Хочу нарисовать, – прошептала Делайн, стиснув кулаки, которые лежали на коленях.

Я подалась вперёд, накрыла её руку своей ладонью и ободряюще сжала.

– Обязательно рисуешь. Уверена, Селина покажет тебе много интересных мест. Она рассказывала о тайных ходах и чудесной аллее древних статуй.

Кузина шумно выдохнула, и серые глаза засияли внутренним светом. Девушка обожала рисовать, и я всячески старалась поддерживать в ней эту страсть и стремление, за свои деньги покупая дорогие краски, холсты.

Элодия этого не понимала и считала пустой тратой средств, тех самых, которые мечтала спустить на свои тряпки. Но кто её спрашивал.

– Вы рисуете? – поинтересовался Торнтон.

Весь путь до замка он молчал, рассеянно слушая болтовню Элодии, которая, казалось, не затихала ни на минуту. Я даже подумала, что мужчина просто уснул с открытыми глазами. Но граф не только не спал, он даже прислушивался к нашему разговору.

– Да, рисую. Немного.

– Балуетесь, – отмахнулась её сестра, презрительно фыркнув.

– Делайн прекрасно рисует, – вмешалась тётушка. Её голос звучал мягко и немного виновато. – Не только акварель, которую так любят девушки. У неё отличные пейзажи, карандашные наброски, портреты.

– Портреты? – тёмная бровь удивлённо поползла вверх.

– Я бы и вас хотела нарисовать, – неожиданно пискнула девушка и еще больше смутилась.

– Делайн! – возмущенно вскрикнула Элодия. – Прошу прощения, граф, моя сестра не хотела вас оскорбить. Делайн, немедленно извинись перед милордом.

Я начала всерьёз думать о заклинании, когда Торнтон внезапно произнёс:

– Мой портрет? Вы каждого рисуете, леди Делайн?

– Нет. Просто ваши черты... и взгляд.

– Взгляд?

«Холодный, надменный, колючий и резкий».

– Хочется узнать, что за ним, – неожиданно серьёзно произнесла она.

«Разве за ним что-то есть?»

Я, забыв об осторожности, пристально взглянула на мужчину. И надо было ему в этот момент тоже повернуться ко мне. Короткий обмен взглядами, всего на два удара сердца, непонятное смущение и жар на щеках.

– Мы приехали, – сообщил мужчина, и карета остановилась во внутреннем дворе замка.

Подосевший слуга помог нам спуститься. От долгой езды ныло тело, болела спина, и сейчас больше всего хотелось принять ванну и полежать. Аппетита всё равно не было.

Вблизи замок выглядел еще более огромным и внушительным. Но в то же время не казался громоздким или давящим. Он просто жил. Слуги спешили по своим делам, отовсюду слышались голоса, периодически раздавался тихий искренний смех. Здесь никто не боялся подать голос и быть наказанным, и это чувствовалось.

– Прошу сюда, – произнёс слуга, провожая внутрь, где нас уже встречала светловолосая женщина в тёмно-зелёном платье, отделанном белоснежным кружевом.

– Леонард, – улыбнулась она мужчине, который склонился к её руке. – Очень любезно с твоей стороны встретить наших гостей.

– Леди Корвил, вы, как всегда, очаровательны.

– Благодарю. Дерек спрашивал о тебе.

– Герцог уже вернулся?

– Час назад. На полях опять проблемы. Он в кабинете.

– Дамы, прошу прощения, – мужчина кивнул и быстро направился в сторону широкой лестницы.

А ведь, по идее, именно он должен был нас представить друг другу. Странное поправление норм и правил. За графом подобного не наблюдалось.

Проводив его взглядом, я повернулась к женщине.

– Добрый вечер. Я леди Энния Корвил. А вы, должно быть, Айола Белфор? – она без-
ошибочно взглянула на меня.

– Да, вы совершенно правы, леди Корвил. Это моя тётя, баронесса Полин Ортек, и её дочери, Элодия и Делайн, – произнесла я и неловко улыбнулась. Тревога нарастала. – А Селина где?

– Она отдыхает, – леди Корвил улыбнулась. – Просила вас навестить её, как только будет удобно.

– Я могу увидеть её прямо сейчас?

Улыбка стала мягче.

– Конечно. Но вы уверены, что не хотите сначала принять душ, переодеться, отдохнуть? Хотела, и очень, но желание увидеть подругу было сильнее.

– Позже.

– Слуга проводит вас, а я покажу покои баронессе и её дочерям.

– Благодарю.

Ковры, сияние начищенной до блеска бронзы, позолота, хрусталь и старинные вазы из хрупкого фарфора – всё здесь говорило о богатстве и достатке. Но я мало смотрела по сторонам, полностью сосредоточившись на предстоящей встрече.

Целый год мы не виделись, изменилась ли она? Стала ли другой?

Лакей распахнул передо мной створчатые двери, пропуская вперёд.

Странно, я думала, она отдыхает где-то наверху, в своих покоях, а меня привели в зимний сад. В нос ударил запах влажной земли и жасмина. У огромного куста, усыпанного белоснежными цветами-звёздочками, застыла хрупкая женская фигура.

Ком у горла, счастье, тоска и какое-то отчаянье.

– Селина?

Она обернулась. Бездонные синие глаза в обрамлении густых чёрных ресниц, аккуратный носик, алые губы и густая грива тёмных волос.

– Айола!

Мы встретились где-то посередине. С громким смехом, вперемешку со слезами, крепко обнялись, не в силах оторваться друг от друга.

Великие, как же сильно мне не хватало её.

– Айола, ты здесь! Даже не верится!

– Селина, я так скучала.

– Нет, – она рассмеялась и подалась назад, стирая слёзы из уголков глаз. – Это я скучала. Прости, я сейчас стала такая сентиментальная. Просто ужас. Никогда столько не плакала.

– Я так понимаю, это не единственное, что тебя беспокоит в последнее время, – понимающе улыбнулась я и подмигнула. – Вас можно поздравить, герцогиня?

– Как официально, – рассмеялась она. – Можно. Уже почти четыре месяца.

– Поздравляю. Если честно, то я была немного удивлена, когда ты меня не встретила. Испугалась, не случилось ли с тобой чего-нибудь.

– Прости, – виновато вздохнула Селина, беря меня за руки, а глаза так и сияли особенным внутренним светом. – В последние дни я просто с ума схожу по запаху жасмина. Хотя на прошлой неделе меня от него тошнило. Я собиралась выйти, но из кухни так потянуло жареным мясом, что меня опять замутило. И, как назло, закончилось ароматное масло. Уже направили слугу за ним. Но пока он вернётся... Пришлось возвращаться сюда и пить жасминовый чай.

– А лекари что говорят?

Я не могла не отметить, что подруга выглядела бледнее обычного и под глазами залегли круги.

– Что это надо просто пережить. – Она потянула меня к диванчику, который уютно расположился под кустом жасмина.

– А что герцог?

– За эти месяцы его уже ничем невозможно удивить, – рассмеялась Селина, присаживаясь. – Его сначала настораживало моё желание есть рыбу и запивать это шоколадом, но сейчас смирился. И даже не вздрагивает.

– Селина, ты меня пугаешь, – ужаснулась я.

– Я сама себя пугаю, – непринуждённо рассмеялась она. – Будешь чай? Или прохладную воду с лимоном и мятой? Она меня сейчас выручает.

– Не откажусь от воды.

Подруга быстро налила в стакан прохладную жидкость и протянула мне.

– Хватит обо мне, ты и так всё знаешь, я пишу очень подробные письма. А вот кое-кто ограничивается короткими фразами и общими чертами, – пожаловалась она.

– Сама знаешь, я не большой любитель писать письма, – сделав пару глотков, ответила я.

– Правда. А может, дело в том, что за все сообщения плачу я? – многозначительно протянула Селина. – И ты таким образом пытаешься уменьшить стоимость почтовых отправок?

– Кое-кто слишком хорошо меня знает, – виновато улыбнулась в ответ, не став отрицать очевидное.

– Перевоспитывать бесполезно. Ты такая, какая есть. Я даже не буду ворчать, слишком рада видеть дорогую подругу. Но теперь-то ты мне всё расскажешь, и подробно.

– А что рассказывать? – пожала я плечами, ставя полупустой стакан на столик. – Работаю потихоньку.

– Какая скромность, – фыркнула подруга. – До нас дошли слухи о талантливом артефакторе Сайлосе Фросте. Говорят, он очень хорош. А еще страшно таинственен и скрытен. Его техника нова и не похожа на все остальные.

– Он просто не любит показываться на глазах. Очень скромный, – рассмеялась я.

– Ивар знает?

– Нет, – я покачала головой и вздохнула. – В сообщениях не напишешь, а так... Мы больше года не виделись.

– Ох, Айола, поражаюсь твоей выдержке. Шесть лет. Ты ждёшь его более шести лет!

– Уверена, что ты бы и Корвила ждала так же. Настоящая любовь выдержит любое испытание, даже временем.

– Тут не могу не согласиться. Но вы совсем скоро обретёте своё счастье.

– Даже не верится.

– Кстати, – Селина смущенно улыбнулась и взяла меня за руки, осторожно сжимая. – Тут такое дело...

– Что случилось? – сразу напряглась я.

– Ты только не переживай, – поспешила успокоить меня подруга. – Ничего серьёзного. Просто мне показалось несправедливым, что такая любовь и такие чувства пройдут незамеченными.

– Селина, что ты задумала? – я еще больше насторожилась.

– Ты же не против, если вы сыграете свадьбу у нас?

– В каком смысле «у вас»?

– В замке. Прямо тут. У нас есть своя часовня Великих. Она не такая шикарная, как в столице, и раз в десять меньше, но очень уютная. Дерек в прошлом году заказал новые витражи. Там очень красиво. Мы обязательно сходим посмотреть, чтобы во всём убедиться.

– Стоп, стоп, стоп, – прервала я её и снова спросила: – Ты что задумала?

– Я хочу, чтобы у тебя был праздник. Самый настоящий праздник. Белоснежное платье с фреольским кружевом, жемчуг, украшающий волосы, и обруч со священными письменами. Чтобы утром пришла хамиби и нарисовала на твоих висках узор невесты, а не просто поставила точку на лбу. Хочу, чтобы этот день был полон смеха, радости и счастья. Понимаю, вы так счастливы вдвоём, что сам факт свадьбы уже награда. Но... – подруга запнулась и горячо продолжила: – Ох, Айола, я хочу, чтобы у тебя была самая настоящая свадьба. С танцами, шикарным ужином и украшенным залом. С гостями, которые будут поднимать тосты в вашу честь. Наверное, это очень эгоистично с моей стороны, но ты достойна всего этого.

Я прикусила губу, стараясь унять эмоции и хоть чуть-чуть успокоиться. Глаза щипало от непролитых слёз, и я не знала, смеяться мне или плакать. Никто и никогда так не заботился обо мне.

– Ох, Селина, но это же не все? По взгляду вижу. Признавайся, что ещё ты задумала.

– Пригласила гостей. Ты не пугайся, немного совсем. Мергери приедет, – она назвала третью девушку из нашей комнаты, с которой мы не особо ладили, но прожили бок о бок пять лет. – Кассиа выпускается в этом году и тоже обязательно будет. Пара друзей из Академии. Уверена, что и Ивар захочет пригласить кого-нибудь из друзей охотников... Ты злишься? – упавшим голосом спросила она. – Прости, мне надо было с тобой посоветоваться. Прости.

– Я не злюсь, – поспешила успокоить подругу. – Просто это так неожиданно.

– А еще у меня есть к тебе деловое предложение.

– Уже страшно.

– Жутко меркантильное с моей стороны, и ты совершенно не обязана соглашаться...

– Селина, говори уже.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала. Понимаю, что люди живут везде, и даже там, в горах, есть много чего хорошего. Но я не хочу, чтобы ты уезжала, – вновь с нажимом повторила подруга. – Айола, ты безумно талантлива, умна, образованна, а там обычное поселение, зима почти весь год, полное отсутствие цивилизации и каких-либо благ. Нет, подожди, дай мне закончить. – Она сжала руки ещё сильнее, предупреждая мои возражения. – Я знаю, что тебе всё равно. И понимаю. Самое главное – быть рядом с любимым человеком, и неважно, где это будет. Хоть на краю мира. Но почему бы вам не побыть вместе в Сангория? Работа у тебя уже есть. Поверь мне, заказов будет только больше. И Ивар – охотник, сильный, выносливый и умный молодой мужчина. Ты, по крайней мере, так о нём рассказывала. Дерек поможет ему с работой. Сама подумай, здесь безопасно. Не надо ежедневно рисковать, охотясь на гуи (Прим. автора «гуи» – это человекоподобные существа под два метра ростом, мощные, с огромными лапами и покрытые жесткой белой шерстью, которая оберегает их от суровых морозов. Голова маленькая, приплюснутая, а рот полон острых зубов, которые играючи могут разорвать горло жертве. Людоеды, которые спускаются с Северных гор и периодически нападают на селения княжества. Служба в отряде охотников опасна, но очень высоко оплачивается).

– И жить здесь, у вас?

– Нет. У нас в столице есть домик. Мы с Дерексом готовы предоставить его вам в длительное пользование, – произнесла Селина и поспешно добавила: – Конечно, не бесплатно. Успокойся, я же знаю твои принципы. Вы сможете его выкупить со временем.

– Селина, я не знаю, – от напора подруги совсем растерялась.

– Я не требую ответа. И вообще, возможно, лезу не в своё дело. Но просто рассмотрите эту возможность. Здесь безопасно, у тебя будет время заниматься любимым делом. Подумай о детях. Здесь отличные школы, и тебе не придётся беспокоиться о безопасности малышей. Здесь у вас есть будущее.

Домик.

Совсем небольшой. Уютная гостиная, полная солнечного света, пёстрые занавески на окнах. Деревянная, покрытая лаком, лестница наверх. Запах ароматной выпечки. Детский смех и разбросанные игрушки. Небольшой садик сзади. Спокойствие.

А ведь это совсем неплохо и намного лучше существования в старой халупе, продуваемой северными ветрами.

– Я подумаю.

– Спасибо, большего не прошу, – улыбнулась подруга и вдруг посерьёзнела. – Великие, что же я делаю. Ты устала с дороги, не отдохнула, не привела себя в порядок, даже не поела, а я со своими предложениями! Прости, я такая рассеянная. Идём, я тебя провожу в покои. Уверена, они тебе понравятся.

Но стоило нам выйти в коридор и пройти пару шагов, как Селина вдруг побелела, замерла, хватаясь за стену и тяжело дыша.

– Великие, Селина, что с тобой?

– Кажется, мне лучше вернуться в зимний сад. Я думала, уже всё прошло, но, кажется, ошиблась.

– Я провожу тебя.

К нам уже спешили слуги. Один из них взял герцогиню за локоть и повёл назад, а другой подошёл ко мне.

– Разрешите проводить вас в ваши покои, госпожа Белфор.

– Но... – Я с тревогой смотрела в спину Селины.

– С ней всё будет хорошо. Лекарь уже отправил помощника за специальным маслом. Он скоро вернётся, – поспешил успокоить меня молодой человек. – Не переживайте, мы наблюдаем за герцогиней. Всё время.

– Я понимаю, но всё равно её состояние меня тревожит, – ответила я, бросив ещё один взгляд в сторону зимнего сада.

Покои, которые для меня выделила Селина, потрясали воображение. Это были действительно покои, состоящие из спальни в нежно-лиловых тонах, уютной гостиной, личного будуара, ванной комнаты, и даже с небольшим кабинетом.

– Ваши вещи уже доставили, госпожа Белфор, – сообщил слуга, когда я огляделась. – Герцогиня прикрепила к вам одну из наших служанок. Её зовут Криста, и она будет временно исполнять обязанности вашей горничной. Если вы не возражаете.

– Горничной? – переспросила я.

– Да. Криста поможет разобрать вещи, приведёт их в порядок. Будет помогать вам, готовить ванны...

– Да, спасибо, я знаю обязанности горничной, – перебила его. – Хорошо. Давайте вашу Кристу.

Горничная оказалась худенькой смуглой девушкой с бездонными карими глазами и вежливой улыбкой.

– Я разложила ваши вещи, госпожа. Желаете принять ванну после путешествия?

– Да, было бы неплохо.

Мне не терпелось смыть дорожную пыль и, наконец, почувствовать себя чистой.

– Я сейчас всё сделаю. Какое платье вам подготовить?

Мой гардероб за этот год претерпел значительные изменения. Я не тратила баснословные суммы, как Элодия. Но в нём больше не было старых, залатанных вещей. Ткани были хоть и недорогие, но добротные, светлых оттенков, силуэты нарядов простые, без лишних оборок, рюш и воланов, но элегантные. А ещё они были очень удобные.

– Серо-голубое в мелкий рубчик.

– Хорошо, госпожа.

Через час с лишним, приняв ванну с ароматными маслами и переодевшись, с волосами, убранными в простой узел и украшенными живыми цветами, я вышла из спальни и направилась вниз.

Путь к лестнице я запомнила, а там, уверена, и до столовой недалеко.

Но стоило мне спуститься с лестницы, как меня тут же окликнули.

– Госпожа Белфор. – Граф Элкиз появился откуда-то сбоку и перегородил мне путь. – У вас есть для меня пара минут?

– Что-то серьёзное, милорд?

– Я хотел бы кое-что с вами обсудить.

– Со мной? – усмехнулась я и покачала головой. – Уверены, что не ошиблись?

– Нет. Дело касается Сайлоса Фроста.

– Что?

«Нет, он не может знать. Не может...»

– Вы меня прекрасно слышали.

– Что вы хотите? – нахмурившись, спросила у него.

– Поговорить.

– Хорошо, – сдалась я и последовала за ним.

Вот и открылась причина доброты и интереса Леонарда Торнтон. Осталось только узнать, как ему стало известно о Фросте и что он потребует взамен.

– Я знаю, что под личиной Сайлоса Фроста скрываетесь вы, – произнёс мужчина и застыл, ожидая реакции.

Они сидели в небольшом кабинете в западном крыле замка, который Архольд специально выделил ему. Это была небольшая комната, выдержанная в зелено-коричневых тонах, окна которой выходили в сад. Не то чтобы Леонард любил любоваться цветами и искусным ландшафтом, но свежий ветерок его более чем устраивал. А еще солнце, которое светило в окно поздним вечером, освещая комнату оранжевыми красками уходящего дня.

Белфор в ответ даже не дёрнулась, продолжая невозмутимо сидеть на мягком стуле с высокой спинкой. Ровная спина, прямые плечи, руки с узкими запястьями, чинно сложенные на коленях, спокойный взгляд серо-зелёных глаз. Коротко стриженные ноготки, которые были совершенно немодного естественного цвета. Пару лет назад из Эмират пришло новое веяние на яркие, кричащие краски для ногтей. В последнее время их еще стали украшать искусственными камнями, пудрой и пёрышками. Айоле всё это было чуждо и неинтересно.

Безукоризненные манеры, графу было не к чему придраться. Даже одежда за эти годы поменялась, став более дорогой и качественной. Без лишних украшений, оборок и рюшей, вырез был достаточно высокий и открывал лишь нежную кожу на ключицах, которую не скрывали тяжелые и броские украшения.

И при всём при этом, несмотря на манеры и поведение, в Айоле присутствовал какой-то скрытый вызов, непокорность. Ни капли кокетства, страха или подобострастия, а вместо этого открытость, уверенность и строгость.

Белфор легко встретила его взгляд и лишь слегка поморщилась, будто от головной боли.

– Кто вам сказал?

– Я долго искал господина Фроста, даже добрался до некоего Филиаса Джентри.

– Мистера Джентри?

Хоть какие-то эмоции: недоверие, сомнение и едва заметное отчаянье.

– Он вас не сдал. Стоял горой, – неожиданно произнёс мужчина, словно пытаясь её успокоить. – Но стоило мне узнать, что этот господин является вашим поверенным, как всё стало ясно и понятно.

– Прошу прощения?

– Это вполне в вашем стиле, леди Белфор.

– Что вы можете знать о моём стиле? – голос хоть и был тихим, но в нём слышался гнев и вызов.

– Вы не любите следовать правилам и нормам. И всегда готовы их нарушать.

– Весьма странное заявление от человека, который меня совершенно не знает.

– Поверьте мне, госпожа Белфор, мужчина после парочки успешно выполненных заказов сразу бы открылся и стал пожинать плоды своей славы. Но не вы. Неужели думаете, что мне нужно хорошо знать ваши привычки, чтобы понять, какая вы на самом деле? – насмешливо протянул он. – Знаете, госпожа Белфор, это было очень умно – взять псевдоним и представиться мужчиной. Будь вы хоть трижды талантливой, в связи с вашим полом, заказов было бы гораздо меньше. Стереотип о том, что женщины не могут быть талантливыми артефакторами, очень силён.

– Вы говорите совсем как мой профессор. Тот тоже утверждал, что место искрящей в палатке лекаря или на уроках этикета и столь тонкая наука требует аналитического ума и сосредоточенности. А эти качества крайне редки у девушек, в голове у которых мысли лишь о балах, танцах, перьях и женихах, – сухо ответила она.

– Я так понимаю, вы его не слушали.

– Что вы хотите, граф? – ушла Айола от ответа, которой стал надоедать этот разговор.

– Мне нужен артефакт, – ответил тот и протянул бумаги, которые аккуратной стопкой лежали у него на столе.

Девушка взяла документы и углубилась в чтение, давая возможность Тонтону еще раз осмотреть себя. На этот раз более внимательно, пристально, не боясь быть застигнутым врасплох.

Хрупкая и изящная, как все северянки, тоненькая талия, небольшая грудь, узкие бёдра. Светлая гладкая кожа, едва тронутая легким загаром. Тонкие черты лица, алые губы, никогда не знавшие ярких помад и блесков, густые ресницы и светло-зелёные глаза, похожие на ягоды спелого винограда. Пшеничного цвета волосы, собранные в простой узел и украшенные настоящими цветами. Пара коротких влажных прядей прилипла к шее – скорее всего, девушка только недавно приняла ванну.

Отчего-то от этой мысли стало жарко. Перед глазами возникла соблазнительная картинка обнажённой фигурки, которую укрывала от его жадного взора лишь густая мыльная пена.

– Это невозможно, – произнесла Айола, возвращая его в реальность. Девушка оторвалась от изучения бумаг и взглянула на него, даже не подозревая, какие мысли витали у него в голове в этот момент. – То, что вы предлагаете, просто невозможно.

– Я бы не был столь категоричен, госпожа Белфор. Это просто никто никогда не делал. Вас считают новатором в артефакторском деле, ваши способы уникальны и не похожи ни на чьи другие.

– Просто потому, что мастера отказывались брать в ученики девушку. Приходилось всё осваивать самой. Но это, – она потрясла бумагами, – это совсем иное.

– Всего лишь вызов. Неужели вы не хотите его принять?

Играть на тщеславии было опасно, но и отступить Леонард не хотел. Ему нужна была эта девушка и её талант. Очень нужна.

– А если я откажусь? Что тогда? Расскажите всем о моём обмане?

– Какая мне с этого выгода? Но если вам удастся создать артефакт, то вознаграждение будет более чем приличным. Тысяча золотых вас устроит?

– Сколько? – голос от неожиданности сел, став таким низким и глубоким, что у мужчины внутри всё напряглось.

– Одна тысяча, – спокойно повторил Торнтон, быстро беря себя в руки. – И шанс стать первой. После этого вам больше не придётся прятаться под личиной Фроста. Даже ваш пол не спугнёт потенциальных покупателей.

– Всё это очень заманчиво. – Девушка положила бумаги на стол и с сожалением покачала головой. – Но я вынуждена отказаться.

– Могу я узнать почему?

– Сразу после свадьбы я уезжаю вместе с мужем в горы. А вы знаете, как там работает почтовое сообщение.

– Насколько мне известно, моя сестра предложила вам иной вариант.

Тихий смешок, и Айола недоверчиво хмыкнула.

– Вам и это известно. Поражаюсь вашей осведомлённости, граф Элкиз.

В глубине зелёных глаз сверкнуло что-то похожее на смешинку.

– Предпочитаю быть в курсе того, что важно.

– Вы просто хотите получить этот артефакт.

– И это тоже. Не отрицайте, госпожа Белфор, вам интересно. Вы были бы плохим артефактором, если бы не испытывали азарта и желания достичь невозможного.

– Не буду отрицать. Но сейчас у меня в приоритете совсем другое. Я столько лет шла к своему счастью и собираюсь посвятить себя ему. Так что спасибо за предложение, но...

– Не спешите отказываться. До вашей свадьбы еще две недели, и вполне возможно, что вы примете предложение Селины. Было бы крайне недальновидно отказаться от него.

Айола не обиделась, неожиданно мягко улыбнулась, приподняв уголки губ:

– Никогда не сдаётесь, милорд?

– Не имею такой привычки.

Она задумчиво посмотрела на него и неожиданно кивнула:

– Хорошо. Вы сумели меня заинтересовать, граф. Я хочу еще раз посмотреть ваши пожелания, более внимательно.

Подавшись вперёд, Айола вновь взяла бумаги, умудрившись при этом зацепить небольшой белый конверт. Он медленно спикировал вниз и упал к её ногам.

– Ой. – Девушка наклонилась, чтобы поднять письмо, и замерла.

Лео знал, что она почувствовала: удушливый аромат розовой воды. И ощутил непонятное раздражение.

– Хм, кажется, это ваше, – пробормотала она, протягивая ему конверт с легкой усмешкой на губах.

– Благодарю.

– Раз у вас всё, я пойду, меня ждёт восхитительный ужин.

– До свидания, госпожа Белфор.

После ухода девушки Торнтон некоторое время сидел в кресле, рассматривая белоснежную бумагу со всех сторон. После чего смял и выбросил в корзину.

Маркиза становится слишком навязчивой и требовательной. Давно пора её проучить.

Бросив взгляд на кресло, он увидел небольшую веточку незабудки, которая, по всей видимости, выпала из причёски Айолы. Леонард сам не знал, зачем встал и взял её в руки, рассмат-

ривая хрупкое нежно-голубое соцветие. Просто захотелось, и это тоже было совершенно не свойственно мужчине.

Хмыкнув, Торнтон положил незабудку на край стола и подошёл к окну, наблюдая за тем, как яркое солнце медленно двигалось к закату.

Что ж, у него впереди целых две недели, чтобы убедить девушку взяться за заказ. Немало, если подумать. И Леонард совершенно не сомневался в том, что у него всё получится. Как всегда.

Глава третья. Возлюбленный

Мы с Иваром выросли вместе и дружили чуть ли не с пелёнок. Нашей дружбе не могло помешать классовое различие и недовольство отца. Тот всегда считал, что мне не стоило так близко общаться с деревенскими ребятами. Я же Белфор.

О своём положении и великой фамилии я знала всегда. Отец рассказывал, как еще его прадед, пятый сын великого князя Белфор, самый младший отпрыск, пошел против воли отца и женился на обычной девушке. За что и был с позором изгнан из отчего дома и осел в небольшой деревушке. Денег у него было немного, но хватило, чтобы построить небольшой, но добротный домик в два этажа, завести небольшое поголовье длинношерстных яргов и прожить долгую счастливую жизнь, обзаведясь с возлюбленной троицей детишек. Мы с отцом были последними прямыми потомками того Белфора.

После смерти матери отец так и не женился, и на мне род должен был угаснуть.

Жили мы по деревенским меркам довольно неплохо, по городским – с трудом перебивались. Но меня всё устраивало. Наш дом был всё таким же большим и тёплым, суровые зимы были ему не страшны, и ветра не продували. Нам хватало дров и продуктов. Даже была пара слуг: старая кухарка и её муж, который помогал отцу в разведении яргов – убирал в хлеву, носил солому. Весной, если водились лишние деньги, папа нанимал рабочих из деревни для выпаса стада и размножения скота. Меня, естественно, к этим работам не допускали, и папа старался на месяц-два отправить к тёте Полин.

Ярги были нашим спасением. Из длинной шерсти (высоко ценились светлые оттенки) мы пряли нити, которые потом продавали на базаре. Мясо, молоко и жир не давали умереть с голода и были очень сытными. А весной яргов ставили в плуг и распахивали небольшие поля в надежде получить хоть какой-то урожай на обветренной земле, почти лишенной плодородного слоя.

Ивар был сыном местного кузнеца. Самый младший в семье, он был совсем не похож на своего отца, жилистого и могучего господина Жбана. Такой же высокий, но худощавый, с длинными руками и ногами, медного цвета волосами, веснушками на носу и щеках. Тёмно-карие глаза весело смотрели на мир, а с губ почти никогда не сходила улыбка. Он был так похож на солнышко, что к нему тянулись все. В том числе и я.

Моя первая и единственная любовь. Ивар был старше меня на два года и производил впечатление взрослого, умудрённого жизнью парня.

Мне было тринадцать, когда я узнала, что дочка мельника крутит перед ним хвостом и зовёт прогуляться ночью под раkitой. Ох, сколько слёз я пролила, обнимая подушку, как ревновала и злилась, мечтая вырвать девке все волосы. Куда мне было до румяной, сформировавшейся Мирты, на которую даже деревенские мужики заглядывались.

Я была поздней девушкой и сформировалась лишь к шестнадцати годам. Резко, в пару месяцев. Весной уехала к тёте щуплым, угловатым подростком с тоненькой косичкой, а вернулась совсем другой. Нам с тётёй пришлось трижды перешивать гардероб, чтобы хоть как-то уместить в него начавшие расти грудь и бедра. Талия неожиданно стала тоньше на пару сантиметров. Волосы приобрели пшеничный оттенок, заблестели на солнце, став такими густыми, как никогда. Губы заалели, а ресницы и брови потемнели, делая лицо более выразительным.

– Ох, как на матушку похожа. Пряма глаз не отвести, – шептала тётушка перед моим отъездом.

– Глупости, – недовольно ворчала и злилась Элодия, которую мои изменения выводили из себя. Она привыкла быть первой красавицей и не терпела конкурентов. – Как была деревенщиной, так и осталась.

Но обидеть кузина меня не могла. Я ежедневно видела результат в зеркале и едва не плясала от счастья, мечтая как можно быстрее вернуться домой.

Я помнила, как застыл папа, увидев меня в первый раз, как заблестели его глаза и задрожали губы.

– Ты выросла, – прошептал он, обнимая и прижимая меня к груди. – Стала совсем взрослой.

Я едва смогла дождаться следующего утра, почти всю ночь не спала, кружась с одного бока на другой. Встала на рассвете, встречая яркое солнышко.

Платье я выбирала тщательно. Достала нежно-голубое, с белыми цветами, которыми был расшит широкий подол. То самое, в котором лиф был таким плотным, что грудь едва не вываливалась, визуально становясь еще больше. Я могла даже посоревноваться с Миртой. Достала мамин кулон, который попадал прямо в ложбинку. Волосы распустила, заколов шпильками небольшие пряди на затылке.

– Ты куда? – отец поймал меня в дверях.

– В деревню, – запнувшись и едва успев затормозить, ответила я.

– Так рано?

– Мне надо ленты купить. Тётя денег дала. Немного. Хочу платья украсить, – ответила ему.

И ведь не солгала. Платья действительно надо было хоть немного украсить, и ленты для этого подходили больше всего. Красиво и недорого.

– Хорошо. Будь осторожна.

– Буду, папочка. – Встав на цыпочки, я поцеловала отца в щёку, схватила корзинку и выбежала на улицу.

Купив в лавке всё необходимое и получив десяток комплиментов от господина Ставраса, я выскочила на крылечко и огляделась.

«Где же может быть Ивар? Отцу помогает? Скорее всего...»

Я замялась, не зная, как поступить дальше, какой повод придумать, чтобы зайти в кузню. И нужен ли он вообще.

Тряхнув головой, я быстро пошла по дорожке.

«Не нужен мне повод. Просто пойду и просто поздороваюсь. Целый же месяц не виделась. Просто вежливость».

– Доброго утра, госпожа Ирма, – поздоровалась я с матерью Ивара, которая вышла с большим тазом, полным белья.

– Доброе. – Женщина поставила таз на пенёк и подслеповато на меня взглянула. – Айола, ты ли это?

– Я, госпожа Ирма, – ответила ей, чувствуя, как пылают щеки.

– Надо же, как выросла. Расцвела. И на мать так похожа.

– Спасибо. Я вот в лавку господина Ставраса ходила. За лентами. И дай, думаю, заскочу, поздороваюсь.

– Тебе Ивара позвать? – догадалась она.

– Будьте так любезны.

– Сейчас. Ивар! – женщина громко крикнула, поворачиваясь к кузне. – Ивар! К тебе Айола пришла.

– Иду! – раздалось в ответ.

Эта минута была самой длинной в моей жизни. Я стояла за плетнем, с силой сжимая ручку корзины, заливаясь румянцем и кусая губы. Заметит ли? Увидит ли? Почувствует ли?

Ивар, весь чёрный от копоти, но всё такой же жизнерадостный, не спеша вышел из кузни, щурясь от яркого солнца и пытаясь привыкнуть к новому освещению.

Поэтому и разглядел меня, только когда подошёл совсем близко.

– Айола, – едва не споткнувшись о какую-то ветку, потрясенно произнёс молодой человек и неловко вытер руки о фартук. – Ты... Здравствуй.

– Здравствуй, – улыбнулась ему в ответ. – Я приехала.

– Вижу, – еще тише ответил он, ощупывая взглядом мою фигурку, замерев на долю секунды на медальоне и груди. – Хорошо выглядишь.

– Спасибо. Ты тоже... подрос.

Он неловко хмыкнул, продолжая изучать мои явные изменения.

– Я рад, что ты вернулась. Без тебя было скучно.

«Скучал... он скучал по мне...»

– Как у вас тут дела? – беззаботно продолжила я, переступая с пятки на носок.

– Да вот, отцу помогаю.

– Ясно. – Разговора не получалось. – А я в лавку бегала. Домой вот иду. Решила зайти поздороваться.

– Угу.

– Была рада тебя видеть, – разочарованно протянула в ответ, не зная, что еще сказать.

– Айола! – внезапно произнёс молодой человек. – Ты придёшь сегодня? Будут песни, танцы.

– Я не знаю. Приду, наверное. Если приглашаешь.

– Буду ждать.

Я лишь улыбнулась и бегом пустилась по дороге, чувствуя себя такой счастливой, будто за спиной выросли крылья.

«Он будет меня ждать...»

На вечерние гуляния я пошла, мы даже станцевали пару раз, неловко переглядываясь и улыбаясь. Под тяжелыми и ревнивыми взглядами Мирты и других деревенских девчонок. Но какое мне было дело до них.

От былой лёгкости общения не осталось и следа. Каждый боялся сделать шаг и быть отвергнутым. Мы будто застыли посреди пути. И назад не вернёшься, и вперёд идти страшно.

Всё изменилось через неделю. У Молохова ручья.

Честно говоря, это был и не ручей вовсе, а самая настоящая полноводная река, с быстрым течением и холодными ключами, которые пробирали до костей даже в самое жаркое время года. А Молоховым он стал по имени молодого князя, который утонул здесь лет двести назад, когда пьяный на спор пытался переплыть со своими друзьями водоём. Не вышло, и тело его так и не нашли. Поглотила река.

Нам ни в коем случае не разрешалось там купаться. Даже деревенским. Мне вообще запрещалось думать о таком, негоже потомку князей Белфоров оголяться перед челядью, уподобляясь безродным крестьянам. Для моего омовения набиралась тёплая вода в небольшую деревянную кадучку, которую ставили в специальной маленькой комнате каждый вечер, даже в самую лютую стужу.

Таким образом, нам даже подходить к ручью не разрешалось, не то что купаться. Но разве это могло остановить молодых ребят? В паре километров от деревни, там, где река делала небольшой завиток, за кустами густого можжевельника была небольшая заводь, в которой и течения не было, и ключей не наблюдалось.

Конечно, купаться у всех на виду никто не решался. Но я слышала, что молодые ребята поздно вечером, когда вода немного прогреется, решались здесь окунуться. В обычное же время все девушки, в том числе и я, могли позволить себе лишь аккуратно помочить ноги, приподняв подол платья и демонстрируя изящные лодыжки, или умыться.

Молодежь в конце дня собиралась тут не ради купания. Место хорошее, уединённое. Травка зелёным ковром стелилась у ног, кругом яркими огоньками цвели полевые цветы: колокольчики, васильки и дикие ромашки. Чуть дальше по склону, ближе к небольшому краю,

который неприступной стеной возвышался над долиной, росли дикие кусты спелой малины и ежевики. Мы набирали в листы лопуха спелые ягоды и с наслаждением ели, любуясь уходящим днём.

Было здесь и специальное место для парочек. Небольшое сваленное дерево под ракитой у самой реки, надёжно укрытое длинными ветвями. Все знали: если парень приглашает девушку посидеть там, то это что-то вроде признания.

Сколько раз я видела, как парочки уходили туда. Обычно на небольшом расстоянии друг от друга. Девушка впереди, слегка склонив голову, пряча счастливую улыбку и теребя конец длинной косы. Парень шёл чуть позади, сложив руки за спиной, такой беззаботный, ленивой походкой, в которой чувствовался страх: ответит или нет девица? Мы смотрели им вслед, хихикали и тайно завидовали, мечтая, что и нас когда-нибудь пригласят, как взрослых.

Тем вечером наша небольшая компания собралась почти полным составом и разбрелась на небольшие группы. На пригорке рядом со мной сидели еще Олисия и Кармина. Две сестрички никогда не выделяли меня и не относились с настороженным пренебрежением, за глаза называя «княжной-босячкой». В последнее время, благодаря Мирте, это прозвище всё чаще раздавалось в нашей компании. Никто уже не боялся, что я услышу, ожидая реакции.

За последние дни, после моего возвращения от тёти, напряжение только усилилось, и я всё никак не могла понять причин. И надо бы отказаться от этих посиделок, тем более что папа всегда был против, но я не могла лишиться последнего шанса видаться и общаться с Иваром.

Слева вновь громко расхохоталась компания Мирты. Я невольно поёжилась, не в силах избавиться от мысли, что смеются они сейчас надо мной.

– Не обращай внимания, – тихо произнесла Кармина, заметив моё состояние. – В последнее время Мирта как будто с цепи сорвалась. Ходит, рычит на всех.

– Чего не рычать, – поддержала сестру Олисия. – Мне Гейл рассказал, что Ивар ей от ворот поворот дал.

– Как? – не поверила я, чувствуя, как вспыхнули щеки.

– А вот так. Гейл не знает, что произошло, но расстались они.

– Теперь понятно, чего она такая злая, – кивнула Кармина. – И на тебя не зря косится.

– Я-то здесь при чём? – срывая ромашку, пробормотала в ответ и принялась срывать один лепесток за другим.

Белоснежные капельки одна за другой падали на подол платья и сползали вниз.

– Шутишь аль не видишь? – переспросила Олисия и тут же замолчала, получив от старшей сестры удар локтем в бок. – Чего?.. Ой.

Отчего-то стало тихо, лишь ветерок ласково теребил волосы, которые щекотали кожу на лице. Подняв голову, я встретила взглядом с серьёзными карими глазами.

– Ивар.

Его имя само сорвалось с губ, застыв между нами, усиливая и без того тяжелое напряжение. Замерли не только мы, вся молодёжь на полянке.

– Привет, Айола.

– Здравствуй.

– Ты сейчас занята?

– Нет.

– Пойдём? – Ивар с улыбкой протянул мне руку.

– Куда? – спросила я, но руку подала, позволяя поднять себя с земли.

– Прогуляемся, – беззаботно ответил молодой человек.

Стоило мне встать, как он тут же отпустил мою руку.

Мы и правда прошли по полянке, рядом друг с другом, практически не говоря.

– Айола, – неожиданно тихо произнёс Ивар, когда мы остановились у ручья, в спокойной глади которого отражались яркие лучи заходящего солнца.

«Пора идти домой. И так задержалась. Отец будет волноваться...»

– Что? – спросила у него, переводя взгляд с реки на молодого мужчину.

Вместо того чтобы ответить, он вновь взял меня за руку и потянул в сторону ракиты. Отказать я не смогла, даже возразить. Это был самый настоящий шок.

Мы вошли внутрь, ветви сомкнулись, и снова наступила тишина.

Оглядевшись по сторонам, я не смогла сдержать тихого смешка.

– Ты смеёшься? – осторожно спросил Ивар, наблюдая за мной.

– Я всегда думала: каково здесь? Нет, мы с девчонками тут были. Но каково это – приходить сюда с парнем.

– И как? – молодой человек сел на поваленное дерево, опираясь спиной о ствол ракиты.

Пожала плечами, еще раз всё осматривая.

– Так же, – призналась ему. – Только ты есть.

– Это плохо?

– Нет, – покачала головой, легким движением руки убирая косу за спину, после чего добавила значительно тише: – Я всегда хотела побыть здесь именно с тобой.

Признание далось легко, и стыдно за него не было. Ивар наверняка видел моё отношение и не мог не знать, что нравится мне. Так зачем юлить и скрываться? Мне даже легче стало.

– А твой отец?

– Мне уже шестнадцать. Он должен понять, что я взрослая, – вспыхнула в ответ.

Мне не понравилось напоминание о папе. Оно смущало, заставляло чувствовать себя виноватой. Ведь я точно знала, что ему это не понравится.

– Айола, я...

Закончить Ивар не успел. Совсем рядом раздался резкий вскрик, за ним еще один и еще, пока его не сменил громкий ужасающий вой, от которого кровь застыла в жилах.

– Вурдов зверь, – выдохнул молодой человек, и меня еще сильнее затрясло.

Одни из самых опасных существ Изгара. Те, что наряду с гуи жили высоко в горах и были опасными хищниками.

Вой повторился еще ближе.

– Надо уходить, надо, – прошептала я, собираясь выбежать из укрытия.

– Стой! – прошипел Ивар, хватая меня за плечо. – Нет. Нельзя. Мы не успеем добраться до сторожки. Слишком далеко.

Он был прав. Сторожка находилась чуть выше по склону, в полукилометре от нашего убежища. И ребята вполне могли успеть до неё добежать. В отличие от нас. Мы были слишком далеко, на самом краю.

– Но это Вурдов зверь... он же, – пролепетала я, смотря, как Ивар быстро стаскивает с себя жилетку, а следом и рубашку, бросая вниз.

– Быстро в воду!

– Что-о? – выдохнула я и вздрогнула, когда вой раздался совсем рядом. Мне кажется, я даже услышала звук шагов этих тварей, часть которых уже неслась к нам.

– Быстро. – Молодой человек закончил раздеваться и снова подтолкнул меня к ручью. – В воду.

– Но там холодно, и я не умею плавать.

– Я умею! – отчеканил он. – Айола! Они уже рядом! Нельзя медлить.

– Мы не сможем переплыть, – в отчаянии пролепетала я, входя в воду, которая тут же обожгла кожу, подол платья стал тяжелым и неудобным.

Обхватив плечи руками, я шла всё дальше, спотыкаясь на неровном дне, путаясь в тине и водорослях, пока вода не достигла талии. Всё тело покрылось дрожью, и зубы застучали.

– Ивар, – в отчаянии прошептала я, когда рядом со мной, обрызгав ледяными каплями, упало бревно. То самое, счастливое.

– Хватайся. – Молодой человек оказался рядом. – Быстрее. Нам надо уплыть. Давай же.
– Но там течение, – произнесла я и тихо охнула, увидев быстрые тени на самом берегу.

Вурдовы звери были похожи на лишенных шерсти гончих. С длинным черным телом, мощными лапами, острой мордой, полной кривых зубов, узкими ушами и алыми глазами. Они металась у самой кромки воды и тихо рычали, злобно поскуливая.

Я так испугалась, что даже сдвинуться не могла. Ивару пришлось встряхнуть меня, подгоняя.

– Не стой, Айола. – И потянул дальше. – Не стой.

Одна из тварей решилась войти в воду, высоко поднимая лапы и клацая острыми зубами.

– Проклятье. Не может быть.

Вот и вторая тварь влезла в воду, за ней потянулась третья.

– Хватайся за бревно, – скомандовал молодой человек. – Быстрее!

Всего один небольшой шаг, и я сразу провалилась почти по шею, нелепо взмахнув руками и едва не теряя равновесие.

Платье тянуло вниз, бревно было скользким, и пальцы то и дело сползали. А еще было очень холодно и страшно.

– Держись, Айола, только держись.

Ивар был рядом, придерживал меня, не давал пойти на дно, наглотавшись воды.

– Мы не сможем. Они уже рядом, – всхлипнула я, зажмурившись.

– Ошибаешься, – ответил он. – Бездна! Получилось!

Открыв глаза, я увидела, как самый первый зверь с визгом ушел на дно, за ним другой.

– Они... они, – недоверчиво прошептала я.

– Не умеют плавать. Старый Майлз был прав, – произнёс молодой человек, хрипло рассмеявшись. – Теперь нам надо просто подождать. Скоро придёт помощь. Держись, Айола. Только держись. Не замерзай. Мы должны продержаться! Обязаны!

Я с трудом кивнула, уже не чувствуя ног, и держалась за бревно только на упрямстве. Вурдовы исчадия металась по берегу, прыгали в ручей, обдавая нас брызгами, тонули, рычали, выли, но сделать ничего не могли. Один раз тварь оказалась от нас в метре. Я видела, как клацнули зубы, прежде чем она погрузилась на дно, сверкая алыми глазами.

– Великие, – едва слышно прошептала я, отворачиваясь.

Это было жутко.

– Не смотри.

Каждая минута была для нас вечностью. Потом я просто потеряла счет времени.

У меня так онемело и замерзло тело, что я едва не теряла сознание. На берег в сгустившихся сумерках меня вынес Ивар. Молодой человек сам с трудом держался на ногах, но помог мне выбраться, прежде чем сам обессиленно растянулся рядом.

– Г-г-где?

– Охотники прогнали. Тебя надо согреть.

– Х-хо-л-ло-д-д-д-но, – простонала я, едва шевеля языком. Вновь застучали зубы. Да так сильно, что я испугалась, как бы они не раскрошились от таких ударов.

– Мои вещи. Растерзали, конечно, но они сухие.

Ивар, нутужно кашляя и задыхаясь, на коленях дополз до ракиты, где валялись остатки его жилета и рубашки.

Я скрючилась на земле, подтянув колени к груди и обхватив их руками.

– Сейчас придут. Айола... сейчас. Нас... тебя должны искать. – Ивар упал рядом со мной, прижимая к себе и укрывая тряпками, которые почти сразу намокли, став такими же влажными. – Айола.

Я слепо потянулась к нему, едва дыша от холода.

– Ивар... Я хотела...

– И я хотел, – кивнул он. Его руки заскользили по моей спине, пытаюсь согреть. – Ты очень красивая, Айола... У меня дух захватывает, когда я думаю о тебе... Как солнечный лучик...

– Я тоже, – прошептала в ответ. – Тоже...

А дальше всё исчезло в тумане, обдувая холодной изморозью и инеем застывая на губах.

Купание более получаса в ледяной воде не могло пройти бесследно – я заболела и около недели провалялась в горячке. Первые дни были самыми тяжелыми, я почти не приходила в себя, металась по постели, несла какую-то ерунду и чуть не свела с ума отца, который всё это время дежурил рядом, пытаюсь влить лекарство и стирая липкий пот.

Потом стало легче. Я пришла в себя на третьи сутки. Открыла глаза, нашла отца и даже улыбнулась ему, сообщив, что хочу пить. Сделав глоток, вновь уснула и беспробудно проспала до самого вечера. Уже без жара и повышенного потоотделения.

Очнувшись, первым делом увидела заплаканную тётю Полин, которая, встретившись со мной взглядом, разрыдалась еще громче.

– Очнулась. Слава Великим. Как же ты нас напугала.

– А где папа? – морщась от боли в горле, спросила у неё и закашлялась.

– Я его спать отправила. Столько времени возле тебя провёл. Похудел страшно, того и гляди сам в бездну отправится. Как же нас напугала.

– Простите, – тихо ответила, вспоминая произошедшее: ледяную, пробирающую до костей воду, монстров, которые носились по берегу, тепло Ивара. – Как давно я болею?

– Четвёртый день пошёл. Я только вчера приехала. Так испугалась. – Тётушка стёрла слёзы ладонью и продолжила: – Думали, отдала Богам душу, уйдёшь за матушкой... Такая же молодая.

– А Ивар? – перебила я её болтовню, с трудом приподнимаясь на локтях и снова падая на влажные от пота подушки.

– Какой Ивар?

– Тот парень, который меня спас.

– Ах, этот. – Тётя махнула рукой. – Сегодня уже прибежал. Спрашивал, как ты. Волнуется. Хорошенький такой.

– Живой, – выдохнула я, не в силах сдержать улыбку облегчения.

– Да что ему будет. Смышлёный мальчик. Кто же знал, что эти исчадия плавать не умеют. Хотя рискованно. Течение у Молохова ручья сильное. Как не потонули только. Других жалко, – добавила она, тяжело вздохнув, и тут же хлопнула себя по губам. – Ой.

– Кого других? – тут же уцепилась я, подавив зевок.

– Нечего я тебе не говорила. Отдыхать надо. Кушать хочешь? Тут бульончик есть, – засуетилась она, пытаюсь сбить меня с толку.

– Тётя, я ведь всё равно узнаю.

Женщина строго на меня взглянула, но надолго выдержки не хватило.

– Хорошо, скажу, по большому секрету. Троих разодрали. Двух ребят и девочку.

– Кого? – во рту пересохло от страха.

– Я откуда знаю. Жалко, молоденькие совсем. А теперь пора кушать, а то смотреть страшно. Одни глазки остались.

Я послушно съела пару ложек бульона, запила всё морсом и снова уснула. Сил было еще мало, и на долгие бодрствования меня не хватало.

На следующий день я чувствовала себя намного лучше. И пусть ломота в теле и усталость никуда не делись и от одной мысли о прогулке кружилась голова, но, по крайней мере, веки не тяжелели, и спать сильно не хотелось.

– Пап, – широко улыбнулась я отцу, уставшему, но чисто выбритому и причёсанному. – Прости меня.

Он поймал мою ладошку и сжал, хрипло произнеся.

– Никогда не пугай меня так больше. Когда мы нашли вас на берегу... Великие, я решил, что звери и тебя растерзали...

– Я здесь, всё хорошо. – Я мягко высвободила руку и нежно погладила отца по щеке. – Ивар спас нас.

– Да, – нахмурился он. – Спас.

Мы молчали некоторое время, пока я не решилась задать следующий вопрос.

– Пап, тётя рассказала о троих погибших... Не злись на неё, – тут же поспешно добавила я. – Я её заставила. Она сопротивлялась. Правда.

– Ребят уже не вернуть, – отвернувшись, ответил отец.

– Кто это был?

Мне страшно было слышать имена, хоронить тех, кто сейчас в моём сознании был еще жив. Но мне было важно это знать.

– Айола, не стоит.

– Пап, прошу.

Покачал головой, но ответил.

– Киро Зорак...

Веселый, обаятельный паренёк, который никогда не расставался с губной гармошкой, наигрывая озорные мелодии. Балагур и шутник с пронзительно-синими глазами.

– Пио Сэвино...

Рослый, широкоплечий парень. Угрюмый и молчаливый, но добрый. Я хорошо помнила, как, отработав целый сезон в городе, он вернулся к нам и купил в лавке малышне целый кулёк сладостей, которые раздавал всем желающим.

– И Олисия, – тихо закончил отец.

Я не сразу поняла его.

– Леська? – едва слышно переспросила и покачала головой. – Нет, неправда.

Подруга. Жизнерадостная девушка, которая этой осенью собиралась выйти замуж за Гейла. Она почти закончила плести кружева для своего свадебного платья.

– Нет! – громче выкрикнула я и прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать рыдания. – Нет, только не она. Только не Леська... А Кармина?

– Жива. Гейл собирается на службу к охотникам. Они уже несколько дней стоят в деревне на постое. Гоняют хищников, проверяют окрестности.

– Как это вообще могло получиться? Вурдовы звери не спускаются летом с гор, лишь зимой, когда еда заканчивается и особенно холодно. У нас же стоит заслон... Как же так, – беззвучно зарыдала я. – Папа, как же?

Он обнял меня, позволяя выплакаться у него на груди.

– Поплачь, милая, поплачь... Я тоже не могу понять, как такое могло произойти. У нас договор с охотниками... вот только в прошлом году глава отказался повышать цену.

Я дернулась, поднимая лицо и недоверчиво смотря в лицо отца.

– Пап, на что ты намекаешь? Ты думаешь, что они...

– Ничего, дочка, ничего. Это я так. Глупости. Старею, наверное, вот и болтая невесть что.

Ивару разрешили навестить на следующий день, когда отец вынес меня на улицу и усадил на скамейку, прикрыв ноги пледом.

Молодой человек пришел с большим букетом полевых цветов, серьёзный, возмужавший. Произошедшее и на него наложило отпечаток.

– Красивые, – произнесла я, зарываясь лицом в букет.

– Я рад, что с тобой всё хорошо, – присаживаясь рядом, произнёс и осторожно взял меня за руку. – Айола, тогда, у ручья... Я хотел сказать. Хотел сказать, что ты мне небезразлична. Наверное, это слишком безумно с моей стороны... Но скажи, есть ли у меня хоть шанс завоевать такую девушку?

– Ох, Ивар, если бы ты только знал, – прошептала я, не в силах продолжить от смущения. Но молодой человек всё понял.

– Я поговорю с твоим отцом.

– Да.

... Отец был против.

– Айола слишком молода для брака. Ей только шестнадцать.

– Но, папа. Осенью будет почти семнадцать, – воспротивилась я, теряя голову от счастья.

Традиционно в Изгаре все браки игрались осенью. Допускалось другое время, но по особым случаям.

– Почти не считается. Ты еще слишком юна. Хотите встречаться – встречайтесь. Но не больше.

И мы встречались. Робкие прикосновения постепенно сменились поцелуями, сначала неловкими, короткими, но потом Ивар стал смелее.

Так прошел год. Мне исполнилось семнадцать, но с согласием на брак отец не спешил. А без него я не могла. Теперь нам ничего не мешало. Даже Мирта, которая той же осенью быстро выскочила за какого-то мелкого дворянина и уехала с ним, родив в конце зимы крепкого парнишку. У нас шептались, что отцом мог быть кто-то другой, но я не верила слухам.

– Он считает, что я тебе неровня, – в сердцах произнёс Ивар одним вечером, когда мы скрылись за пригорком от любопытных глаз.

– Ты неправ. Он просто очень любит меня и боится потерять. – Я быстро подошла к юноше, кладя ладони ему на грудь и заглядывая в глаза. – Осенью мы обязательно поженимся. Отец мне не откажет.

– Откажет. Куда сыну кузнеца до дочери Белфоров? – горько произнёс он.

– От Белфоров остался лишь титул. Я люблю тебя, Ивар, и не отступлю.

– Не отступишь? – переспросил молодой человек, обнимая меня за плечи. – Уверена?

– Конечно, уверена. Ты моя жизнь.

– Тогда мы должны настоять. Должны поставить ему ультиматум.

– Ивар, я...

– Ты ведь доверяешь мне?

– Да, доверяю. Ты же знаешь.

– Тогда стань моей. Полностью. До конца, – жарко шепнул он, сильнее сжимая плечи.

– Ивар, – ахнула я и покачала головой. – Я не могу. Ты же знаешь, что не могу. Сначала свадьба.

Но он меня словно не слышал.

– После этого твой отец не посмеет нам отказать. Ты же любишь меня.

– Люблю, но я не...

Договорить он мне не дал, прижимаясь губами в поцелуе, который становился всё глубже и откровеннее. Руки опустились по спине и накрыли ягодицы, сильнее прижимая к его телу. Ноги подогнулись, и молодой человек увлёк меня на зелёную траву. Ладонь коснулась колена и поползла выше по обнаженному бедру.

Но мне было страшно. Нега сменилась паникой.

– Ивар, не надо, – прошептала я, пытаясь оттолкнуть его, но сил не хватало.

Пальцы болезненно сжали ягодицу, а губы терзали кожу на шее, оставляя после себя крохотные синяки.

– Ивар! Нет...

Пальцы коснулись внутренней стороны бедра, и я едва не задохнулась от ужаса.

– Ивар!

Возникший свет заставил молодого человека отлететь от меня на пару метров. Так и проснулась моя искра.

По закону я должна была осенью отправиться в Академию, где меня обучили бы обращаться со своим даром.

Свадьба вновь откладывалась.

– Настоящей любви расстояние и время не преграда. Отучишься и вернёшься, – произнёс отец, утешая меня. – Это дар, от которого нельзя отказаться.

Я хотела проучиться всего год. Остальные четыре были добровольными, но новая жизнь захватила меня. Мне хотелось научиться всему, и я продолжила обучение, хотя сердце рвалось домой.

– Ты пойми, что это даст нам шанс на новую жизнь, – сказала я Ивару, вернувшись летом после первого курса. – Я получу не только диплом, но и возможности найти хорошую работу. Появятся средства, шанс стать кем-то другим. Будущее, которого сейчас у нас нет.

Он понял. Знаю, как было сложно, но понял, вновь поддерживая.

А два года назад Ивар примкнул к охотникам, прислав мне в Академию письмо.

«Я тоже хочу послужить ради нашего будущего. Хочу собрать денег. Мы обязательно построим домик и будем жить счастливо».

Кажется, сама жизнь разводила нас в стороны. Но теперь препятствиям конец. Совсем скоро мы поженимся, и этому никто не помешает.

Глава четвёртая. Скандал

– Маркиза Армель Констанци, – представила мне Селина красивую невысокую блондинку в провокационном алом платье, вырез у которого был таким глубоким, что казалось, грудь вот-вот вывалится на всеобщее обозрение. Никогда не была ханжой, но тут даже я удивилась. Это какую смелость надо было иметь, чтобы так одеться. – Моя лучшая подруга госпожа Айола Белфор.

Получив заветное жасминовое масло, Селина быстро пришла в себя и весь вчерашний день провела в отличном настроении, сообщив к вечеру, что у неё появилась новая, совершенно потрясающая идея. Услышав это, Корвил вздрогнул, но промолчал.

Я отлично помнила, как они враждовали в Академии, как Селина плакала горячими слезами, не в силах вынести горькие насмешки сангорианца. И видеть их такими счастливыми и влюблёнными было немного дико. Но при всём при этом я совершенно не сомневалась, что их чувства настоящие и искренние. Я отлично видела, как они переглядывались украдкой, как замирали, глядя глаза в глаза, словно телепатически общаясь между собой, как старались лишний раз прикоснуться друг к другу.

– Я чувствую себя великолепно и поэтому... – Селина замолчала, выдерживая театральную паузу. – Поэтому думаю, что будет лучше, если мы на время переедем в наш особняк в столице.

– Кому будет лучше? – поинтересовался, ухмыльнувшись, герцог.

– Всем, – твёрдо произнесла его супруга. – Айоле не придётся тратить два с половиной часа на дорогу и ночевать в гостинице. Не смотри на меня так, я отлично знаю, что именно так ты и собиралась сделать. Пожалела бы тётушку.

Тётя Полин тут же усиленно закивала, поддерживая хозяйку замка.

– Во-вторых, я буду волноваться о тебе, – продолжила Селина. – Напоминаю, что мне нельзя. Если буду волноваться, то будет переживать и мой супруг. А душевное равновесие герцога плохо сказывается на всех. – Молодая женщина улыбнулась еще шире. – Поэтому я и говорю, что от нашего короткого переезда будет лучше всем. Тем более тебя и твоих кузин следует представить обществу.

– Это еще зачем? Ты же знаешь...

– Знаю, что ты собралась в горы. Но вдруг ты передумаешь, – Селина многозначительно понизила голос. – Вдруг предложение какое получишь. Выгодное. Тебе надо налаживать связи. Как и твоим кузинам.

– Ты уже всё решила? – спокойно поинтересовался Дерек.

– Да. Письмо отправила, слуги подготовят особняк к нашему завтрашнему приезду.

– А твоё самочувствие? – спросила я, не зная, смеяться мне или плакать.

– Мне уже лучше. В любом случае с нами поедут лекарь и акушерка.

– И вы будете устраивать приёмы и балы? – восторженно захлопала в ладоши Элодия.

– По поводу бала не уверена. Слишком мало времени для подготовки, но светские вечера будут, парочку завтраков можно будет устроить. Кстати, на завтра у нас как раз запланирован один.

Архольд расхохотался.

– Сэм, скажи, пожалуйста, а если бы я не согласился?

– Ну, ты же согласился, – ничуть не смутилась она. – Тем более только вчера говорил о том, что тебе надо встретиться с герцогом Марлоу. Вот и встретишься.

На светский вечер «для своих» были приглашены человек пятьдесят, пришло около сорока пяти, и каждому мне надо было улыбнуться, поздороваться и запомнить имя.

Хотя любовницу герцога Марлоу забыть будет сложно, такие женщины созданы для того, чтобы оставлять след в истории.

– Белфор, – задумчиво повторила она, приложив к губам сложенный веер, смеряя меня задумчивым взглядом. – Очень уважаемая семья в Изгаре.

О да, семья моего предка была очень могущественна и богата. А сейчас перед маркизой стояла девушка в простом нежно-голубом платье, украшенном собственноручно вышитыми синими розами. Из драгоценностей в ушах были лишь крохотные серёжки, оставшиеся от мамы.

– Младшая ветвь, – спокойно пояснила я, дежурно улыбнувшись.

– Зато вы искрящая, – ответила она. – Еще неизвестно, что лучше.

Взгляд холодных голубых глаз настораживал, и я вновь вспомнила слова Селины, которая рассказывала мне об этой женщине.

– Будь осторожна. Маркиза не из тех людей, которые легко прощают и забывают. Она расчетлива, цинична и злопамятна. Знаешь, никогда не думала, что буду радоваться тому, что Дерек чуть не женился на племяннице герцога. Поверь мне, если бы за него взялась эта дамочка, у меня не было бы ни единого шанса.

– Почему же не взялась?

– Герцог запретил. Марлоу желал видеть Дерекка своим родственником и делить любовницу тоже не особо хотел, – пояснила Селина. – Но она действительно опасна. Так что держи с ней ухо востро.

– Мне делить с ней нечего. Так что сомневаюсь, что у нас найдутся точки соприкосновения.

– В любом случае мне кажется, что она уже нашла новую жертву, и я не знаю, как на это реагировать.

– И кто же этот счастливец?

– Леонард...

...И теперь, смотря в расчётливые светлые глаза, я неожиданно почувствовала неприятный холодок по телу. Интуиция настойчиво шептала, что надо держаться от маркизы как можно дальше. Пусть она не знала о Фросте, но расслабляться было рано.

Вскоре я убедилась, что подруга была права.

Не знаю, какими правдами и неправдами, но Элодии удалось выбить один танец у графа, и она всем и каждому об этом сообщила. Наверняка кузина уже мысленно видела себя в храме с перевязанной лентой на запястье. Девушка очень старалась, чтобы остальные тоже так считали.

Время танца приближалось, кузина сияла, выискивая графа. Как человек чести (хотя бы номинально), он не мог не выполнить своего обещания. Я наблюдала за ними со стороны. Видела, как музыканты принялись готовиться к танцу, как образовывались пары и сияла от предвкушения Элодия, смотря на Элкиза, идущего к ней с холодной миной на лице. И так она на него засмотрелась, что не заметила маркизу, которая весьма правдоподобно споткнулась рядом с ней и плеснула рубиновое вино прямо в лицо.

Кузина вскрикнула, отшатнулась, путаясь в оборках платья, нелепо взмахнула руками и приземлилась прямо на пол.

Наверное, стоило броситься ей на выручку, но помощники нашлись и без меня. Даже Констанци решила сопроводить жертву в дамскую комнату, чтобы помочь Элодии привести себя в порядок.

Я, нахмурившись, смотрела им вслед, отчётливо понимая коварство этой красивой женщины. Это надо так умело унижить соперницу.

В общем, я так засмотрелась, что не увидела остановившегося напротив мужчину, который совершенно спокойно произнёс:

– Госпожа Белфор, я могу пригласить вас на танец?

Мне очень хотелось сказать: «Нет». Безумно, до дрожи в пальцах и боли в груди. И я бы, может, и отказала ему, если бы не вспомнила, где мы находимся, и не заметила, что на нас все смотрят.

– Граф Элкиз, – медленно ответила ему, непокорно глядя в холодные светло-голубые глаза. – Какая неожиданность.

– Я обещал этот танец вашей кузине. Так как её нет, я решил пригласить вас.

Наверное, он ждал радостных вздохов, восторженных охов и томных взглядов. Не дожждётся.

– Какая честь, – сухо ответила ему, бросая взгляд в сторону выхода.

Не появилась ли на горизонте злопамятная маркиза? Стать её жертвой мне совершенно не хотелось.

– Госпожа Белфор? – тёмная бровь приподнялась, и взгляд стал такой выразительный, что я поняла: медлить больше нельзя.

– Благодарю за приглашение, – со вздохом ответила ему и протянула руку.

Его ладонь была неожиданно горячей и сухой. Никаких искр, томления или желания, окрасившего щеки ярким румянцем. Просто досада от его предложения и неожиданного внимания, в центре которого мы оказались. Отказаться было нельзя, такое непочтение вызовет слишком много толков. И ссориться с Леонардом не хотелось. Это лишние проблемы, а это просто танец и ничего больше.

Мы встали в середину зала, лицом к лицу на расстоянии полутора метров. Зазвучала музыка, и синхронный шаг вперёд, соприкосновение рук и поворот. Еще три шага вперёд, и мы снова друг напротив друга. Только на этот раз значительно ближе. Моя правая ладонь всё ещё была в его, когда я положила левую руку ему на плечо, а его вторая рука бережно легла на талию.

Я почти сразу отвернулась, рассматривая гостей, замечая удивлённо застывшую Селину. Общаться не хотелось тем более, несмотря на то, что танец позволял это. Но у графа на всё было своё мнение.

– Вы подумали о моём предложении, госпожа Белфор?

Его голос раздался над самым ухом и зашекотал крохотные волоски, вызывая мурашки на коже и злость на саму себя. Не стоило так на него реагировать. По идее, и танцевать с ним не стоило.

– Вы слишком торопитесь, граф, – спокойно ответила ему.

– Не люблю ждать.

Как и все наделённые властью мужчины.

– Ничем не могу помочь.

Мелодия сменилась, и мы чуть отступили друг от друга. Я опустила руки, в то время как Торнтон продолжал удерживать меня за талию.

Шаг вперёд, два назад. Его ладонь на талии обжигала, и я чувствовала её тепло даже сквозь ткань. Не смотреть на него было всё сложнее, поэтому я сосредоточилась на небольшой брошке, которая украшала его белоснежный галстук. Красивая и стоит, наверное, целое состояние.

– Решили посоветоваться с будущим мужем? – уточнил мужчина, когда мы вновь закружились по залу.

– Считаете, что я неправа и должна принимать решения за спиной жениха?

– Не мне вас судить, госпожа Белфор.

– А хочется? – уточнила у него, впервые поднимая взгляд.

Наверное, Торнтон совершенно не ожидал от меня этого вопроса, потому что выглядел немного удивлённым, совсем немного, но я успела заметить. Удивительно и непривычно было

видеть в нём эмоции и человеческие реакции. Не холодный расчёт и невыразительная улыбка, а настоящие эмоции.

– Уже сложили обо мне представление?

– Разве я смею судить вас, граф, – едва заметно усмехнулась я, возвращая Торнтону его же слова.

– И я так понимаю, оно не совсем приятное.

– Я никогда не смешиваю работу и личное, – ушлая от ответа. – И не собираюсь делать это впредь. Мы с вами слишком разные, граф Элкиз. У нас разные представления о чувствах, морали, долге и семейных отношениях. Я не говорю, что это плохо. Вам с ними жить, а не мне.

– Как бы то ни было, именно мой характер, поведение и поступки помогли Селине стать счастливой.

– Но разве не они разлучили их с Дерексом пять лет назад? – сухо парировала в ответ, вновь находя взглядом подругу и замечая рядом Корвила, который что-то тихо шептал ей на ушко.

– Я всегда смотрю на конечный результат, а не на этапы.

– Этим мы с вами и отличаемся, граф. Я предпочитаю оставаться честной на протяжении всей игры.

– Разве это возможно?

– Я к этому стремлюсь. Видите, насколько мы с вами непохожи.

Как огонь и лёд.

– А вам не говорили, что противоположности притягиваются?

– Не в этом конкретном случае.

– Когда мне ждать ответа?

– Завтра или послезавтра. Тянуть я не буду, не переживайте.

– Благодарю за честность, леди Белфор.

Оставшееся время мы молчали. Танец закончился, и Торнтон проводил меня к подруге, которая едва не подпрыгивала от любопытства.

– О чём вы разговаривали? – спросила она, как только её брат отошёл в сторону.

– О работе, – ответила ей, принимая бокал с шампанским у лакея.

В горле першило, и отчего-то стало жарко.

– С такими лицами.

– Какими лицами?

Пузырьки шампанского приятно покалывали в горле, отрезвляя.

– Неописуемыми. Знаешь, если бы я так хорошо не знала вас обоих, то решила, что... – задумчиво произнесла подруга, рассматривая меня так, словно видела в первый раз в жизни.

Я с удивлением на неё взглянула.

– Что решила?

– Что между вами что-то происходит. Глупости, конечно. Но мне кажется, что остальные решили именно так.

– Между нами происходит лишь работа. Твой брат заказал у меня одну вещь.

– Ты принимаешь заказы? – тут же загорелась Селина.

– Я еще не ответила. Сначала хочу поговорить с Иваром.

– Уверена, всё будет хорошо. Ох, Валкот, – неожиданно выдохнула она, поворачиваясь к мужчине, который, минуя гостей, подошёл к нам.

Высокий, худощавый, с русыми волосами, собранными в низкий хвост, и внимательными карими глазами.

– Герцогиня Архольд, – улыбнувшись, произнёс он, склоняясь к руке Селины. – Вы, как всегда, великолепно выглядите.

– Для нас такая честь, что вы нашли время и посетили наш скромный вечер. Позвольте представить: моя лучшая подруга, госпожа Айола Белфор. А это Алисет Валкот.

Почему это имя мне знакомо? Кажется, я где-то его слышала.

– Госпожа Белфор, – не успела я дёрнуться, как мужчина уже наклонился к моей руке. – Для меня честь быть представленным вам.

– Благодарю, – ответила я.

Чувство беспокойства не проходило. Я никак не могла понять, но что-то в нём настораживало и тревожило.

– Дерек там, – тем временем произнесла Селина, указав гостю направо.

– Спасибо. Я не прощаюсь. – И удалился.

А я только сейчас смогла вспомнить, где слышала это имя. Валкот, тот самый, из-за чего младшая сестра Архольда Одетт устроила настоящий скандал, отказавшись ехать вместе с нами в столицу.

– Это?... – произнесла я, повернувшись к подруге.

– Друг Дерек. Тот самый, кому он обещал руку Одетт.

– Это он зря, – пробормотала я, вспомнив, как горели злостью чёрные глаза девушки.

– Я тоже так думаю, – вздохнула Селина. – Жаль, что мужчины слепы и глухи к нашим доводам.

Оставшийся вечер прошёл удовлетворительно и без заметных происшествий. Гости разъехались во втором часу ночи. Я сразу же отправилась в свои покои и уснула, как только голова коснулась подушки, и проспала до утра. Я бы проспала дольше, но не дали.

Громкий крик, грохот, топот ног, снова крик и ругань.

Я села в постели по инерции, ещё до конца не проснувшись. Шум стал ещё громче. Кое-как продрав глаза, я схватила с кресла халат, накинула поверх сорочки и, завязав пояс, вышла в коридор, отчаянно зевая и пытаясь проснуться.

– А что происходит? – спросила я у пробегавшей мимо служанки.

– Там... у графа Элкиза... там такое, – только успела произнести она.

Я дослушивать не стала, поспешив к покоям Торнтон, которые находились в конце коридора. Точное их местоположение я не знала, но шум и крики шли именно оттуда.

Народу у покоев графа собралось много. Не только любопытные слуги, но и Селина с мужем, заплаканная тётушка и смущенная Делайн.

– Что здесь происходит? – поинтересовалась я, протискиваясь вперёд, пока не вошла в спальню Торнтон и не увидела самого хозяина, стоявшего у собственной кровати, в которой...

– Элодия?!!!

Кузина выглядела самым примечательным образом: взлохмаченные волосы, примятые с той стороны, где она лежала; заспанные глаза, которые сейчас были полны слёз (парочка огромных капель красиво стекала по румяным щекам); припухшие после сна алые губы и тонкий шелковый пеньюар с приспущенными бретелями, к которому девушка прижимала ручку, пытаясь одновременно прикрыться и выглядеть соблазнительно-невинной.

«Великие, какая же она дура! Даже сейчас, находясь в центре гигантского скандала, Элодия продолжала играть свою роль».

И на что надеялась? Что Элкиз, как самый настоящий рыцарь из древних баллад, проявит благородство и спасёт её поруганную честь? Ведь честь действительно пострадала. Даже то, что между ними ничего не было – а картина, открывшаяся моему взору, говорила именно об этом, – не сможет спасти кузину от позора.

Это насколько надо быть самоуверенной и глупой, чтобы поверить, что это сойдет ей с рук?

Пока я пыталась собраться с мыслями и не броситься на дурочку с кулаками, Архольд быстренько разогнал любопытных слуг, отправил застывшую Делайн к себе в комнату и только потом осторожно произнёс, обращаясь к застывшему каменной статуей Торнтону:

– Я так понимаю, дорогой родственничек, ты сегодня ночевал не дома.

– Нет, – отрывисто произнёс он, совершенно не собираясь уточнять, где и с кем был.

А мне сразу вспомнился тот белоснежный конверт с удушливым ароматом роз, который я увидела в его кабинете. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что у такого мужчины в столице была любовница. И, быть может, не одна.

– Селина, герцог и вы, граф, – тихо, но твёрдо произнесла я, понимая, что, кроме меня, это никто не сделает: тётушка на грани обморока, а кухне даже не придёт в голову попросить прощения. – Я приношу вам свои самые глубочайшие извинения. Это мой недосмотр и моя вина.

– Богиня-мать, богиня-мать, – зашептала тётя, жалобно всхлипывая. – Как же так? Как же теперь быть?

– Граф, вы же не оставите меня, – жалобно зашептала Элодия, обращаясь к Торнтону. – Я ведь люблю вас, так сильно люблю, что решила на бесчестие, поправа нормы морали и закона. Великие, я на всё готова ради вас.

Я бы даже похлопала этому цирку, если бы не была так безумно зла.

– Лео, – предупреждая произнесла Селина, внимательно наблюдая за братом, который был мрачнее тучи.

– Мы не смели бы вас просить, – вставила тётя, весь вид которой говорил о том, что она еще как смеет и очень надеется, что он спасёт их всех, сыграв роль добропорядочного графа. Боги, как же они наивны. – Слухи быстро распространяются, и слуги наверняка...

Как бы вышколены и верны ни были они герцогской чете, но правда всё равно вырвется на свободу. Не сегодня, так завтра или через неделю о позоре Элодии узнают все в столице. И не только в столице, а еще далеко за её пределами. Аристократы любят свежие сплетни. История обрстет новыми подробностями, и жизнь девчонки рухнет, затащив на дно и всех нас.

За себя я особо не волновалась. Там, в горах, мало кто будет смотреть на мою запятнанную репутацию. Но оставалась Делайн, и она точно не была виновата в проступке своей мелочной и эгоистичной сестры.

– Вы серьёзно думаете, что я повешу себе на шею это? – холодно произнёс граф, и я невольно поёжилась.

– Лео, – вновь повторила Селина и покачала головой.

– Думаете, мне нужна в жены глупая, высокомерная, склочная и эгоистичная дурочка, у которой даже хоть какого-то приданого нет за душой?

Конечно, в какой-то мере Торнтон был совершенно прав, но все равно слышать это было обидно. Одно дело – знать, а другое – слышать, как тебе этим тычут в нос. И как бы плохо я ни относилась к Элодии, она была моей родственницей, и тётю я любила.

– Граф. – Кузина побелела.

До неё наконец-то стало доходить, что, несмотря на её желание, красивые глазки и скандал, выйти сухой из воды у неё не получится.

– И я прошу вас освободить мою спальню и никогда здесь больше не появляться.

– Но как же... ведь все будут говорить.

– Вы думаете, это должно меня волновать?

Элодия снова всхлинула. На этот раз по-настоящему.

– Давайте не будем всё усложнять, – вмешалась Селина. – Я понимаю, ситуация непростая, но выход должен быть.

– А давайте вы будете искать его в другом месте? А вы, госпожа Белфор, – холодные голубые глаза остановились на мне, – займитесь воспитанием своей родственницы. Я понимаю,

что у вашей тётки не хватит мозгов, чтобы перечить этой девице, которая совершенно никого не слушает. Но вы-то сможете это сделать?

– Аккуратнее, граф, – едва сдерживаясь, ответила ему. – Что бы ни произошло, вам стоит выбирать выражения. Как настоящему представителю высшей аристократии.

– Не стоит мне указывать, что делать, госпожа Белфор. Особенно вам. Знаете, у меня сложилось весьма стойкое мнение, что в вашей семье нормы морали и этики совершенно не приветствуются. Или, живя в глуши, вы все уподобились крестьянам.

– Леонард! – изумленно выдохнула Селина.

А я...

Я просто преодолела разделяющее нас расстояние и вlepила ему такую звонкую пощечину, что чуть рука не отнялась.

В спальне наступила тишина, даже Элодия перестала всхлипывать и дрожать.

Я пожалела о своём поступке еще до того, как опустила руку. Но менять что-либо было поздно, свершившегося не вернуть.

– Айола, – пролепетала тётка.

Сзади изумлённо вздохнула Селина, но я даже не повернулась.

– Вчера я сказала вам, что никогда не смешиваю работу и личную жизнь. Я ошиблась. Я не буду выполнять ваш заказ. Мало того, я не желаю больше видеть и слышать ничего о вас, граф. Вы высокомерный человек. Ничтожный, и мне вас безумно жаль.

– И чего же вам жаль? – спросил он, а я не могла отвести взгляд от красной отметины на его щеке.

– Потому что вы не знаете, что такое настоящие чувства. Да, Элодия поступила опрометчиво, но вы не должны были унижать и оскорблять её. Не должны были обвинять тётку и меня. Настоящий мужчина никогда бы этого не сделал.

– У вас есть предмет для сравнения? Или вы берёте за основу вашего женишка, охотника, который является сыном простого кузнеца. Идеальный образец мужчины, – саркастически ответил Торнтон.

– Вы не имеете права обсуждать Ивара. Вы его совершенно не знаете. А по поводу идеального образчика – я взяла за основу герцога Архольда. Надеюсь, вас его кандидатура не смущает?

О да, мне было известно о их противостоянии, Селина рассказывала, и я не могла не воспользоваться, чтобы утереть этому зазнайке нос.

– Кхм, – подал голос Корвил. – Думаю, нам всем надо успокоиться. Леди Элодия, вам стоит подняться. Вот ваш халат.

Халат действительно нашёлся на полу. Я не стала дожидаться сборов кузины и просто вышла. Очень хотелось хлопнуть дверью, но сдержалась.

Щеки горели от смущения, сердце бешено стучало в груди, и было так стыдно, что словами не передать.

Не стоило говорить всё это Торнтону, нельзя было уподобляться этому высокомерному выскочке.

В комнате меня уже ждала горничная. Девушка помогла мне переодеться, причесала волосы, украсив их алой лентой.

Завтракать не стала. Сейчас мне кусок в горло не лез. Но, прежде чем отправиться в гостиницу, я должна была поговорить с Селиной.

Подругу нашла в столовой. Она была совсем одна и уже заканчивала скромный завтрак, запивая его жасминовым чаем.

– Айола? Ты уже собралась? – удивлённо произнесла герцогиня. – Ведь еще так рано.

– Хочу прогуляться. Селина...

– Я хочу извиниться за поведение своего брата, – перебила меня подруга и тяжело вздохнула. – Леонард бывает просто невыносим.

– Граф имеет полное право возмущаться. Элодия... Ох, я не знаю, где была её голова, когда она это делала. Если бы я только могла представить, чем это всё обернётся. Думаю, будет лучше, если мы переедем в гостиницу. У меня есть немного денег. Нам хватит на первое время.

– Даже не думай об этом. – Селина вскочила и подошла ко мне, быстро хватая за руки. – Да, ситуация сложная, но не критичная. И мы со всем справимся. Сообща. Я сама поговорю с твоей кузиной и объясню правила. Дерек общается со слугами. Мы постараемся сделать всё, чтобы слухи о произошедшем не стали достоянием общественности.

– Ты же понимаешь, что это невозможно.

– Если есть деньги и власть, то возможно очень многое, – мягко возразила она. – Всё будет хорошо. И, думаю, стоит как можно скорее устроить её брак с каким-нибудь знатным господином. И чем быстрее, тем лучше.

– Мне всё-таки кажется, что будет лучше, если мы уедем. Твой брат...

– Переживёт! Это мой дом, и ты моя подруга. Я не позволю ему разрушить всё.

– Я не хочу становиться между вами.

– Поверь мне, дорогая, – мягко улыбнулась она. – У нас с Леонардом есть множество причин для отдаления. И ты уж точно не будешь основной. Уверена, что он уже остыл и успокоился. Завтра уже и помнить не будет.

– Мне бы твою уверенность, – пробормотала в ответ.

Я не могла забыть холодный взгляд Элкиза, который пробирал до самых костей.

«Нет, такой мужчина никогда не забывал нанесённого оскорбления. Только какова будет его месть?»

– Мне нужно, чтобы вы собрали для меня информацию, – произнёс Торнтон, глядя на застывшего перед ним сыщика.

– Снова госпожа Белфор? – спокойно уточнил тот.

– Не совсем. Я хочу, чтобы вы собрали данные, слухи, домыслы, факты и сплетни о женихе госпожи Белфор. Всё, что только возможно.

– Иваре Гремзи? – на лице мужчины отразилось удивление.

Собирая данные о Белфор, он наткнулся на информацию об этом охотнике. Но внимания не заострял.

– Совершенно верно. Он сегодня должен приехать с отрядом в столицу. Готовятся к большой ярмарке, посвященной летнему солнцестоянию.

– Папка будет на столе уже завтра утром.

– Отлично.

Как только дверь за сыщиком закрылась, Торнтон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Щека всё ещё горела. Нет, его били и сильнее. Но почему-то именно эта пощечина не давала покоя, не отпускала. Как и образ северянки.

Крохотная, хрупкая, с золотистыми волосами, собранными в растрёпанную косу. И пеньюар у неё совсем не симпатичный, из простого хлопка и совершенно без кружева. Воротник был наглухо застёгнут, выставляя на обозрение лишь яремную впадину. Совершенно не эротично. Но отчего-то у него участилось дыхание и загорелись ладони, так сильно хотелось податься вперёд, разорвать эти крохотные пуговички и увидеть нежное женское тело. Коснуться бархатистой кожи, вдохнуть сладкий аромат нежного мыла.

Совершенно глупое и бессмысленное желание. Но оно не отпускало.

Лучшая подруга его сестры. Северянка, которая собиралась выйти замуж за другого. Нет, Элкиз не собирался разрушать её брак. Пусть женятся, плодятся и размножаются. А он... он просто будет рядом, незримой тенью стоять за её спиной и ждать своего часа.

И дождётся.

Леонард Торнтон всегда получал всё, что хотел.

А сейчас он больше всего хотел поставить её на колени. Гордую северянку. Айолу Белфор.

Глава пятая. Сомнения

Селина предлагала взять её экипаж, но я не стала. Ждать, когда подготовят карету, сил не было, мне как можно быстрее хотелось вырваться на волю. На свободу.

Выйдя из особняка, я немного прошлась по улице, затененной густой еще зелёной листвой растущих у дороги деревьев. Узел на шляпке, которая неровно сидела на голове, раздражал шею, и я то и дело поправляла его, пытаюсь хоть немного уменьшить трение. Я не любила шляпки, как и кружевные перчатки, но была вынуждена их носить. Хватит и того, что я прогуливалась по улице без компаньонки в столь ранний час и совершенно этого не смущалась.

Поймав кеб, легко забралась внутрь и велела извозчику ехать на окраину столицы.

– Куда именно? – болезненного вида парень с торчащими в разные стороны соломенными волосами сплюнул на мостовую и косо на меня взглянул.

– Мне нужна гостиница «У Гархона».

– Так бы и сказали.

Название гостиницы и её местоположение я знала наизусть. У меня было более двух месяцев, чтобы выучить и по картам найти её местоположение.

Руки дрожали от волнения и нетерпения. Я до боли вцепилась пальцами в ридикюль, пытаюсь успокоиться и прогнать с лица глупую улыбку. Но всё было бессмысленно. Щеки продолжали гореть от румянца, а тело то и дело сотрясала нервная дрожь.

Ивар... мой Ивар. Неужели я сейчас его увижу? Волнистые медные волосы, темно-карие глаза и крохотные, едва заметные, веснушки на носу и щеках. Как же я жила эти долгие месяцы без него. Как же ждала нашей встречи.

На фоне трепетного волнения даже утренний скандал показался незначительным пустяком. Я забыла об эгоистичной кухне, графе, мечущем глазами молнии, о заплаканной тётушке, и даже стыд перед Селиной куда-то исчез. Всё казалось глупым, неважным и ненужным.

Ох, как я соскучилась.

Каким Ивар стал за этот год, простил ли он меня за задержку? Ведь еще год назад, вернувшись в Изгар из Академии, мы должны были пожениться и уехать в горы. Должны были, если бы не болезнь папы, которая приковала его к постели почти на полгода. Я не смогла бросить отца и чувствовала перед женихом вину, которая не отступала даже сейчас.

Может, поэтому и спешила сейчас в гостиницу. Пусть Ивара там еще нет, но я дождусь, как верная жена и возлюбленная. Какой же замечательный получится сюрприз.

«У Гархона» представляла собой мрачное двухэтажное здание из темно-серого камня с черепичной крышей, что утратила свой красный цвет, став грязно-бордового цвета.

Отдав деньги извозчику, я осторожно спустилась вниз на пыльную землю и нерешительно огляделась. Двор перед гостиницей был большим и очень шумным. Длинные сараи для лошадей находились прямо за домом, и пахло оттуда не очень приятно. Народ толпился, кто-то приезжал, кто-то уезжал. Громко хлопали двери, скрипели ступеньки, и отовсюду слышался гомон.

Я сделала всего пару шагов, когда мимо меня с громким кудахтаньем пронеслась рыжая курица, за которой гонялся молоденький поварёнок в темно-сером от сажи колпаке, который только чудом держался у него на голове.

– Прошу прощения, – произнесла я, когда мальчишка, громко ругаясь, приземлился у моих ног. – Вы не подскажете, охотники уже прибыли?

– Чего? – вытирая курносый нос грязной ладонью, спросил тот, проводив тоскливым взглядом убежавшую курицу.

– Сегодня должны были прибыть охотники.

– Ну?

– Так они уже здесь?

Поварёнок смерил меня быстрым взглядом и ответил:

– Шли бы вы отсюда, дамочка.

Теперь пришла моя очередь удивляться:

– Что?

– Не для вас это место, и охотники не компания для госпожи. После их ежегодных попоек приходится весь день убираться в зале. Как накуролесят со своими бабами.

– Б-бабами? – переспросила я, вновь поправляя узел на шляпке.

– А то, – ответил он, встав с колен, и отряхнул короткие штанины. – Всех распутниц соберут в округе. За раз половину заработанных на продаже денег спускают.

– Но Ивар не такой, – пробормотала я.

Мне не было никакого дела до того, что творили охотники, но я была уверена в своём женихе. Ивар меня любит, сильно любит, и никогда не опустится до такого низкого уровня.

– Все они одинаковые. Давайте я вас провожу до веранды. Там Гархон столики выставил. Хочет, как у богачей, летние посиделки сделать. Глупая затея, но хозяину нравится.

– Благодарю.

Подхватив подол платья, пытаясь не испачкаться еще сильнее, я прошла следом за поварёнком и взобралась по шатким ступенькам на просторную веранду, на которой близко друг к другу стояли самые разные столики и старенькие кривоногие стулья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.